

Томсинов В.А., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Восшествие Бориса Годунова на царский престол в 1598 году и формирование новой политико-правовой конструкции русской царской власти

§ 1. «В Москве теперь великое замешательство». Пресечение царствующей династии Рюриковичей как пролог к Смуте

Время, охватывающее шестнадцатое и семнадцатое столетие, было в Западной Европе эпохой настоящей революции в идеологической и юридической конструкции государственной власти. Государство, организованное и действовавшее на основе частно-правовых принципов (норм *jus feodale*, например), когда государственная власть мыслилась принадлежностью персоны монарха, короля или царя, и называлось соответственно королевством или царством, заменялось государством, которое выступало как самостоятельная политическая корпорация, устроенная и функционирующая на основе публично-правовых принципов и норм. Верховный властитель, действовавший в рамках такой государственности, рассматривался уже не только как властвующая физическая персона — **сеньор**, но и в качестве политического института — **суверена**. Эта перемена сопровождалась появлением в политической жизни общества таких явлений как фундаментальные законы, конституция, конституционный строй.

В Англии и Франции модернизация государственности, то есть утверждение новой — публично-правовой — организации государства и конституционно-правовой традиции, происходила во второй половине XVI и в течение XVII века. Юридическая конструкция государственного строя Англии уже в начале XVII века стала обозначаться английскими правоведами и политиками категориями «конституция (*constitution*)», «основные законы (*fundamental laws*)»¹. До этого на протяжении целого столетия в

¹ См. об этом: *Томсинов В.А.* Юридические аспекты английской революции 1640–1660 годов. Период конституционной борьбы: ноябрь 1640 – август 1642 года. М., 2010. С. 27–29.

Англии шел процесс преобразования традиционной государственности: из феодальной, частно-правовой государственной организации Английское королевство в результате реформ Генриха VIII и Елизаветы I трансформировалось в государство нового типа, выступавшее как политическое сообщество, организованное на основе публично-правовых принципов². Король стал мыслиться не только в качестве персоны («физического тела»), но и властного института («политического тела»). Для обозначения такого государства еще в XVI веке в английских политических и юридических трактатах начали применяться термины «commonwealth» и «state»³. Английская политическая революция 1640–1660 годов являлась в сущности своей реакцией на появление в Англии этого нового, институционального, государства⁴.

Во Франции переход от частноправовой государственности, присущей Средневековью, к публично-правовому, институциональному государству, соответствующему эпохе Нового Времени, совершался с конца XVI и в течение XVII века, в ходе государственных реформ короля Генриха IV, кардинала Ришелье и короля Людовика IV. Данный процесс так же, как и в Англии, сопровождался утверждением в политико-правовой идеологии идеи конституции и фундаментальных законов⁵.

В России, как в Англии и Франции, модернизация традиционной государственности происходила в XVII столетии. Этому процессу также сопутствовал переворот в политическом и правовом сознании русского общества, одним из проявлений которого стало формирование новой государственной идеологии и зарождение

² См.: Томсинов В.А. Модернизация политической системы Англии в XVI – в первые десятилетия XVII в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2012. № 1. С. 95–108.

³ Подробнее об этом см.: Томсинов В.А. Государственный строй Англии накануне революции 1640–1660 гг. Статья вторая // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2006. № 5. С. 21–32.

⁴ См. об этом: Томсинов В.А. Государственный строй абсолютной монархии в Англии: новый взгляд // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2014. № 4 (16). С. 37–52.

⁵ См.: главу «Les Lois fondamentales au XVII siècle» в книге: *Lemaire A. Les lois fondamentales de la monarchie française d'après les théoriciens de l'ancien régime.* Paris, 1907. P. 151–196. *Reed H.J. Constitutional Theories in France in the Seventeenth and Eighteenth Centuries* // *Political Science Quarterly.* 1906. Vol. 21. N 4. P. 639–662.

конституционно-монархической традиции. Но в отличие от западноевропейских держав в России эти перемены начались не в результате постепенных реформ, а в условиях государственной катастрофы, получившей наименование Смуты.

«В общих чертах “Смута” представляет явление весьма своеобразное, — отмечал историк И.Г. Забелин. — Это не революция, не перестановка старых порядков по-новому. Это только глубокое потрясение, великое “шатание” именно государства в сказанном смысле; ибо в это время всесторонним банкротом оказался не народ, а само правительство, сама правящая и владеющая власть, и в своей единице, и в общем составе своих представителей, между тем как народ-то именно обнаружил такое богатство нравственных сил и такую прочность своих исторических и гражданских (именно гражданских) устоев, какой в нем и предполагать было невозможно»⁶.

Смута начала XVII века была государственной катастрофой, лишившей русских людей почти на целое десятилетие нормально устроенного государства, способного поддерживать, защищать, проводить в жизнь их общие интересы. Но эта катастрофа стала **крахом не государственности, а государства, сложившегося вокруг Москвы в течение XIV–XV веков.**

Московское государство являлось политической организацией, сложившейся на частноправовых основах как государство-вотчина, как принадлежность московского государя (царя и великого князя) или, по терминологии документов XV–XVI веков, — как «Богом дарованная ему вотчина». Этот взгляд на государство не изменился даже после того, как усилиями великого князя Московского Ивана III Московское государство превратилось в обширную по территории державу и в его титулатуре появились слова: «Божией Милостью государь и самодержец всея Руси». В марте 1503 года на переговорах с послом короля Польского и великого князя Литовского Александра Ягеллончика паном Сигизмундом представитель Ивана III казначей Дмитрий Володимирович сообщал: «Государь наш велел тебе говорить: ино ты, пане Сигизмунт, слышал, что тебе государь наш отказал своими бояры и волости, которые ныне за нами, — наша

⁶ Забелин И.Г. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1883. С. 1.

отчина: и вся Русская земля, от наших прародителей, с Божьей волею, из старины — наша отчина»⁷. При таком воззрении на государство русский государь считал своей вотчиной — Русской землей — не только города и волости, находившиеся под его властью, но и те, которые когда-то принадлежали его прародителям, но были затем отобраны поляками и литовцами. «Государь наш, — передавал Дмитрей Володимирович послу короля Александра Казимировича Станиславу Глебовичу, — велел вам говорить: ино то он правду к нам приказал, что каждому отчина своя мило и каждому своего жаль. Ино ведь ведомо зятю нашему Александру королю и великому князю, что Русская земля вся, с Божьей волею, из старины, от наших прародителей, — наша отчина: и нам ныне своей отчины жаль; а их отчина — Лятская земля, да Литовская: а нам чего доля тех городов и волостей, своей отчины, которые нам Бог дал, ему отступатись? Ано не то одно наша отчина, коя города и волости ныне за нами: и вся Русская земля, Киев и Смоленск и иные города, которые он за собою держит к Ливонской земле, с Божьей волею, из старины, от наших прародителей наша отчина»⁸.

Иван IV воззрение на государство как на собственную вотчину утверждал не только в теории, но и на практике. Потому и получил прозвание «Грозный». Русские государи, с его точки зрения, испокон веков не просто правители государства, а владетели. Их подданные — не свободные люди, а холопы. «Доселе русские владетели не истязуемы были ни от кого (т.е. не отчитывались ни перед кем. — В.Т.), — выговаривал грозный царь в первом послании к Андрею Курбскому, — но вольны были подвластных своих жаловати и казнити, а не судилися с ними ни перед кем»⁹.

⁷ Посольства к великому князю Ивану Васильевичу от короля Польского и великого князя Литовского Александра Казимировича с паном Петром Мишковским и Станилавом Глебовичем с товарищи, и от ливонских немцев с Иваном Гилдорпом для перерговоров о заключении мира. 1503, марта 4 — апреля 5 // Сборник императорского русского исторического общества. Том 35. СПб., 1882. С. 389.

⁸ Посольство от короля Александра Казимировича к великому князю Ивану Васильевичу с паном Станиславом Глебовым с товарищами. 1504, февраля 19 — марта 7 // Там же. С. 460.

⁹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 35.

К концу XVI века частнопроводимые основы Московского государства пришли в противоречие с потребностями дальнейшего развития русского общества. Отождествление государем государства со своей вотчиной, его отношение к своим подданным как к массе всецело зависимых от него, не имеющих собственных интересов людей — все это изжило себя¹⁰. Московское государство стало остро нуждаться в модернизации.

Данное обстоятельство роковым образом совпало с угасанием после Ивана Грозного царствовавшей династии Рюриковичей. Ее представитель Федор Иванович не имел желания вникать в повседневные дела управления и потому царствовал в стране, но не управлял ею. Он больше любил говорить с Богом, нежели со своими подданными, и церковный храм считал своим настоящим дворцом. В «Московской хронике» шведского посланника Петра Петрея, пребывавшего в Москве в 1601–1605 годах, приводится свидетельство о том, что отец Федора Ивановича «часто попрекал его и говорил, что он больше похож на сына звонаря, чем на сына великого князя»¹¹.

Историк С.М. Соловьев кратко и не деликатно характеризовал преемника Ивана Грозного на царском престоле: «Хотя сын Грозного, Феодор, вступил на престол и возрастным¹², но был младенец по способностям, следовательно, нужна была опека, регентство»¹³. Составленная приблизительно в 1656–1657 годах «Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей» называет в числе первых опекунов Федора

¹⁰ Любопытным отражением этих изжитых в русском обществе еще в конце XVI столетия воззрений на государство и государственную власть является ответ императора Николая II на вопрос о занятии и должности во время всероссийской переписи 1897 г. Его величество начертал на переписном листе формы в графе 14, где надо было указать «занятие, ремесло, промысел, должность или служба», слова «Хозяинъ земли Русской». А его супруга Александра Федоровна соответственно записала — «Хозяйка земли Русской».

¹¹ Дословно Петр Петрей пишет в своей хронике: «Sein Vater jhm offte vorwarff, vnd sagte, dass er eines Glöckners Sohne gleicher were, alss eines GrossFürsten» (Ex Petri Petrei Chronicis Moscoviticis // Сказания иностранных писателей о России, изданные Археографической комиссиею. Том 1. Московские летописи Конрада Буссова и Петра Петрея. СПб., 1851. С. 149).

¹² В момент вступления царский престол Федору Ивановичу было 28 лет.

¹³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 4. Том 7. М., 1960. С. 190.

Ивановича двух людей: «Приказа царь брещи чада своя князю *Иоанну Феодоровичу Мстиславскому*, да *Никите Юрьевичу Романову*»¹⁴.

И.Ф. Мстиславский был внуком Ивана III, а под именем Никиты Юрьевича Романова в указанной летописи имелся в виду родной брат первой супруги Ивана IV Грозного царицы Анастасии Романовны, умершей в 1560 году, и дед первого царя династии Романовых Михаила Федоровича *Никита Романович Захарьин-Юрьев* (1522–1586).

Написанная в 1606 году «Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов» упоминает в числе опекунов Федора Ивановича, помимо названных двух бояр, *Ивана Петровича Шуйского*. Автор повести, один из монахов Троице-Сергиева монастыря, утверждает, что все описанное, за исключением пребывания Гришки Отрепьева за границей, видел своими глазами («зря своима очима»). По его рассказу, царь и великий князь Иван Васильевич, уходя, из жизни «приказал благоверная чада своя, благородных царевичев Федора и Димитрия, верному своему приятелю и доброхоту, благодравному боярину князю Ивану Петровичу Шуйскому, да князю Ивану Федоровичу Мстиславскому, да Никите Романовичю Юрьева, дабы их, государей наших, воспитали со всяцем тщанием и их царского здравия остерегали»¹⁵.

Историк Г.Ф. Миллер в своем «Опыте новейшей истории о России», составленном на основе летописных источников и напечатанном в 1761 году, отмечал, что во мнениях современников назначение Иваном IV опекунами к наследнику престола Федору Ивановичу бояр И.П. Шуйского, И.Ф. Мстиславского и Н.Р. Юрьева являлось вполне оправданным. «Федор Иванович был по сложению своему не очень способен к правлению толь великого и сильного

¹⁴ Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев, по преставлении царя Ивана Васильевича; а паче о межгосударствовании по кончине царя Федора Иоанновича, и о учиненном исправлении книг в царствовании благоверного государя царя Алексея Михайловича в 7163 (1655) году. Собрано из древних тех времен описаний. М., 1788. С. 5.

¹⁵ Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов и како на него попусти Господь Бог врага и поругателя, еретика, розстригу Гришку Отрепьева, мстя неповинное кровопролитие новаго своего страстотерпца благовернаго царевича князя Дмитрея Углицкого // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. СПб., 1891. Стлб. 146.

государства. Для того определил отец при своей кончине трех знатнейших и искуснейших бояр, чтоб они в правлении государственных дел чинили ему вспоможение... Если только назвать по именам трех означенных бояр, то уже известно по превосходству их фамилии и по собственным заслугам, что бы не бесполезно было государству, естли бы они при правлении остались¹⁶. По словам Г.Ф. Миллера, «все трое почитались самыми способными к правлению министерских дел, так как искуснейшими и храбрейшими полководцами. Ибо сии чины в прежние времена обыкновенно соединялись»¹⁷.

В условиях явной слабости персоны самодержца разгорелась острая борьба между боярами за влияние на царя Федора Ивановича, обеспечивавшее победителю высокий статус в государстве. В результате управление государством удалось взять в свои руки Борису Федоровичу Годунову, родному брату супруги царя Ирины Федоровны¹⁸. После смерти 23 апреля 1586 года дяди Федора Ивановича Никиты Романовича Захарьина-Юрьева Годунов стал официально титуловаться правителем («московской правитель конюшей и боярин Борис Федорович», — так именуется он в тексте «Сказания о смерти царя Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова», изложенном в разрядной записи за 1598 год¹⁹). В том же году Шуйские с помощью митрополита Дионисия предприняли

¹⁶ [Миллер Г.Ф.] Опыт новейшей истории о России // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие, генварь 1761. СПб., 1761. С. 20–21.

¹⁷ Там же. С. 23.

¹⁸ В Пискаревском летописце, составленном между 1621 и 1625 годами, возвышение Годунова до управления государством представляется произошедшим мирным путем: «А по повелению царя и великого князя Феодора Ивановича стал правити всю Рускую землю Борис Федорович Годунов з братиею и з дядиею: з Дмитреем м [с] Степаном, и з Григорьем, и с Ываном, и с ыными своими советники, и з бояры, и з думными дворяны, и з дьяки: с Ондреем Щелкаловым с товарищи» (Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). Том 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978. С. 195). Однако Московский летописец, составленный между 1635 и 1645 годами, указывает, что Годунов забрал в свои руки управление государством в обстановке острой вражды между боярами: «Потом ненавидяй враг добра роду человеческому нача возмущати боляр между себя враждовати, како бы друг друга поглотити, еже и бысть. Власть же и строение возложи на ся шурин царев боярин и конюшей Борис Федоровичь Годунов» (Там же. С. 232).

¹⁹ Записи в разрядной книге) // Записки отдела рукописей / Государственная библиотека СССР им В. И. Ленина. Вып 19. М. 1957. С. 176.

попытку добиться развода царя Федора Ивановича с женой Ириной Федоровной на том основании, что она не может родить наследника престола, но этот заговор, направленный фактически против брата Ирины Бориса Годунова, потерпел неудачу. Дионисий лишился митрополитства — вместо него Борис Годунов провел на эту должность Иова, который с учреждением в 1589 году московского патриаршества, стал первым русским патриархом и очень полезным для Годунова соратником в его последующих политических баталиях²⁰.

Князь И.П. Шуйский вскоре после этого был обвинен Годуновым в потворстве своим людям при вершении суда и сослан в Кирилло-Белозерский монастырь. Там он спустя два года при весьма странных обстоятельствах скончался. Князь И.Ф. Мстиславский был окончательно отодвинут от царского трона в 1591 году²¹. Борис Годунов восторжествовал над своими влиятельными и очень искусными в управленческих делах противниками, но чрезвычайно усложнил для себя путь к царскому трону. На Руси хорошо понимали, что для сохранения мира и порядка в государстве царю не следует оказывать предпочтение ни одной из борющихся группировок, его величество

²⁰ В своей духовной грамоте, писанной в лето 7105 (1597), патриарх Иов отмечал, что заслуга учреждения в Москве патриаршества принадлежала в значительной мере Борису Годунову. Именно он, «истинный доброхот и правитель Русской земли», услышав благой совет царя Федора Ивановича и его супруги Ирины Федоровны о том, чтобы «украсити превысочайший престол великой Российской церкви патриаршеским достоинством», «вельми возрадовася душою», «вкупе и сам, Богом подвизаем, трудолюбным подвигом и великим радением возвещает благое хотение и веру христоролюбивого царя святейшему вселенскому патриарху Константинопольскому Иеремию, и совета блага просит от него: понеже и сам от многого благоговения имый желание в сердце своем, еже возвеличити превысочайший престол великой Российской церкви патриаршеским благолепием, в похвалу же и честь великой соборной апостольской церкви» (Духовная Святейшего Иова Патриарха Московского и всея России // Опыт трудов Вольного российского собрания при императорском Московском университете. Часть 3. М., 1776. С. 194–195).

²¹ В Пискаревском летописце под датой 7099 (1591) год об этом событии говорится: «Того же году положил опалу царь и великий князь Федор Иванович всея Руси на князя Ивана Федоровича Мстиславского и сослал его в Кирилов монастырь постричи и тамо скончался 101-го году» (ПСРЛ. Том 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. С. 197).

должен пребывать над схватками в своем окружении. Годунов же показал себя слишком вовлеченным в политические интриги.

Загадочная гибель младшего сына Ивана Грозного Дмитрия в Угличе в 1591 году еще более подорвала его моральную репутацию в русском обществе. Эту гибель сочли выгодной прежде всего Годунову и потому именно его стали в ней обвинять. Между тем, если царевич Дмитрий был действительно убит, и его мать царица Мария именно убийство посчитала причиной его смерти, то непонятным является тогда причина, по которой она призвала расправиться над подозреваемыми в этом убийстве, а не сохранить им жизнь для расследования всех обстоятельств данного преступления и выявления того, кто приказал умертвить царевича. Выгодна смерть Дмитрия была не столько Борису Годунову, а, как особенно убедительно показали события, происходившие с осени 1605 и до весны 1613 года, прежде всего боярскому клану, прозвавшему себя *Романовыми*²². Годунов же, будучи в то время всесильным правителем страны при равнодушном к власти царе Федоре Ивановиче, вследствие этого не имел никаких шансов избежать обвинений в организации убийства царевича Дмитрия. Разве мог Борис Федорович не понимать этого.

²² Историк И.С. Беляев, опираясь на показания Михаила Александровича Нагого во время следствия по делу об убийстве царевича Дмитрия, подтвержденные им впоследствии в своем духовном завещании, аргументированно утверждал, что младший сын Ивана Грозного был заменен на другого мальчика, и для сокрытия подмены этот мальчик был убит. Руководивший же следствием князь В.И. Шуйский все сделал для того, чтобы скрыть и подмену и убийство, представив в качестве причины смерти царевича Дмитрия случайное самоубийство при игре в ножички. Вывод И.С. Беляева был довольно категоричным: «Таким образом, — написал он, — не остается сомнения, что все следственное дело 1591 года было направлено к утверждению самозаклания царевича, тогда как на самом деле ребенок (тот или другой) был зарезан, следовательно, все следствие было ложно. Неужели, без каких-либо *других* причин, можно было так легко белое сделать черным, обмануть духовенство, бояр и все русское общество. Неужели же Нагие и их близкие в продолжение остальных семи лет царствования Федора Ивановича после события 15 мая 1591 г. не могли добиться восстановления истины, если бы следствие, произведенное Шуйским с товарищами, не отвечало бы вместе с тем и сокрытию их иных замыслов, сокрытию, на их собственный страх и ответственность, Дмитрия, что, конечно, со стороны Нагих служило признаком боязни за целостность ребенка, недоверия к царю Феодору и против него, конечно, преступлением, за которое в случае раскрытия их проделок они могли быть жестоко наказаны» (Беляев И.С. Следственное дело об убиении Дмитрия царевича в Угличе 15 мая 1591 г. М., 1907. С. 25–26).

Несмотря на то, что младший сын Ивана Грозного, как рожденный от его седьмого брака²³, не считался законным наследником престола, в случае смерти царя Федора Ивановича боярские кланы могли, чтобы не допустить Годунова царскому трону, выдвинуть в цари Дмитрия Ивановича. Но все же самую большую опасность для Бориса Годунова таило несоответствие его места в общественной иерархии высокой должности правителя государством, равной по своим фактическим полномочиям царской. Он не уступал в искусстве управления тем боярам, которых отбросил от царского трона, но по социальному статусу, хотя и принадлежал к известному и славному своими подвигами во благо церкви и государства русскому боярскому роду, считался ниже их и многих других бояр. *Именно это обстоятельство, когда появится у Бориса Годунова возможность занять царский престол, заставит его обратиться к новым, выходящим за рамки традиций самодержавной власти, способам обоснования своего права на царство.*

«Государев родословец», составленный в 1555–1556 годах, указал в качестве родоначальника рода, ветвью которого стали Годуновы, Дмитрия Зерна. Согласно записи в этой книге, у него было три сына: Иван, Константин Шея и Дмитрий. У Ивана Дмитриевича также родилось трое сыновей: Федор Сабур, положивший начало сабуровской ветви этого рода, Данило Подольский и Иван Годун, от которого и произошла фамилия Годунов. Иван Иванович Годун был прапрадедом Бориса Федоровича Годунова. В 1687 года «Государев родословец» был включен в «Родословную книгу князей и дворян российских и выезжих», названную по своему бархатному переплету «Бархатной книгой». В Российской империи она официально считалась самым достоверным источником сведений о происхождении княжеских и дворянских родов²⁴. Запись о роде Сабуровых и Годуно-

²³ С точки зрения церковного права, регулировавшего и брачно-семейные отношения, только три брака считались допустимыми.

²⁴ 29 марта 1843 г. Государственный совет Российской империи дал разъяснение о достоверности Бархатной книги, в котором подчеркнул, что она «есть отнюдь не какое-либо творение частных лиц, но, напротив, официальный акт самого правительства, которое всегда придавало ему величайшую важность. Книга сия, хранившаяся сперва в Разряде, потом, при учреждении Сената, сложена была в оном, как драгоценнейший и самый достоверный документ» (Цит. по: Лихачев Н.П. Государев родословец и Бархатная книга. СПб., 1900. С. 1).

вых была воспроизведена в Бархатной книге в том самом содержании, в котором ее начертали в «Государевом родословце»²⁵. Составители Бархатной книги бережно относились к записям из него и, если что-то добавляли к ним, то обозначали дополнение словами «*да по росписи пополнено*» или «*да пополнено*» или «*да ныне пополнено*» и т.д.

Дмитрей Зерно являлся костромским землевладельцем, поступившим около 1330 года на службу к московскому великому князю Ивану Даниловичу по прозванию Калита. Во время службы в Москве он стал боярином. Боярами были и дети его, и внуки. Между тем в ряде летописных сводов упоминается его отец костромской боярин Александр Зерно²⁶, а в некоторых монастырских синодиках и дед — боярин Захарий Зерно²⁷, который в других источниках называется Захарием Четом. Именно он основал на своих костромских землях Ипатьевский монастырь. Сохранилась икона «Явление Богоматери с предстоящими апостолом Филиппом и Ипатием Гангрским боярину Захарию Чету», отражающую легенду о том, что далекий предок Бориса Годунова решил основать монастырь на том месте, где ему явился образ Богоматери.

В XVII и XVIII веках, по каким-то причинам, в летописных документах и литературно-исторических произведениях утвердился миф о том, что Захарий Чет был татарским мурзой, перешедшим на службу великому князю Московскому Ивану Даниловичу (Калите) и принявшим при крещении имя Захарий²⁸. Ложность этого мифа была

²⁵ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих (Бархатная книга). Часть 1. М., 1787. С. 240.

²⁶ В Симеоновской летописи под датой «в лето 6813 (1304 или 1305 по современному летоисчислению)» стоит следующая запись: «Того же лѣта бысть вѣчье на Костромѣ на бояр, на Давыда Явидовичя, да на Жребца и на иныхъ; тогда же и Зерня убили Александра» (ПСРЛ. Том 18. Симеоновская летопись. М., 2007. С. 86). Такая же запись, но под датой «в лето 6812 (1304 год)» приведена и в Еромолинской летописи. См.: ПСРЛ. Том 23. Еромолинская летопись. СПб., 1910. С. 96.

²⁷ В синодике Ростовского Успенского собора род Годуновых дана следующая запись на вечное поминание Годуновых: «Захарю, Александра, Дмитрия (Зерна), Ивана, Константина (Шеи), Дмитрия, Федора (Сабура), Данила (Подольского), Ивана (Годуна), Григория (Ивановича Годунова) и т.д.» (Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 165)

²⁸ «Въ лѣто 6838 при Государѣ великомѣ Князѣ Иванѣ Даниловичѣ и при Митрополитѣ Петрѣ Чудотворцѣ прииде изъ большія Орды Князь, имянемъ Четъ, и крестися на Руси, а во Святомъ Крещеніи имя ему Захарія. А у Захарья сынъ

очевидной: внук Дмитрий Зерно не мог служить Ивану Калите в одно время с дедом, да и слово «Чет» явно не татарского происхождения, а венгерского и часто употреблялось для обозначения сел и имен их владельцев в Галицко-Волынской земле, тем не менее многие авторитетные историки и писатели (среди них и Карамзин, и Пушкин) почему-то поверили ей. Историк Г.Ф. Миллер старался в своем очерке по истории России следовать летописям, но не заметил в них сведений, явно противоречивших выстроенной им генеалогии предков Бориса Годунова, поэтому написал, что «он произошел из старинной дворянской фамилии, которая произвела свое начало от некоторого татарского мурзы *Чет* именуемого. Сей в 1329 году поддался великому князю *Ивану Даниловичу*, прозвищем *Калита* и, пришед в Россию, по крещении наречен *Захаром*. Дмитрией Зерно, который жил во время великого князя *Димитрия Ивановича Донского*, был внук *Захару*. Дмитриев внук был *Семен Годунов*, от коего произошла фамилия Годуновых»²⁹. Миллер ничего не сказал о сыне Захария Чета костромском боярине Александре, а ведь по летописям он был убит в 1304 или 1305 году. Отсюда следует, что Захарий Чет пришел на костромскую землю не в 1329 году, а по меньшей мере на четверть века раньше — скорей всего в конце XIII века. Тогда же и был основан костромской Ипатьевский монастырь. Кроме того, внуком Дмитрия Зерно был не Семен Годунов, как это утверждал Г.Ф. Миллер, а Иван Иванович Годунов. Среди сыновей Ивана Дмитриевича Годуна не было Семена.

Миф о происхождении Годуновых от татарского мурзы понадобился не Борису Федоровичу, а Ипатьевскому монастырю, который был вотчинным монастырем его рода и который он всячески

Александръ, а у Александра сынъ Дмитрій Зерно; а у Дмитрія Зернова; Иванъ, Костянтинъ Шея, да Дмитрій. А у Ивана Дмитріевича у Зернова дѣти: 1-й Ѳедоръ Сабуръ, 2-й Данило Подонской, Иванъ Годунъ» (Родословна книга Великого Россійскаго Государства Великихъ Князей, отъ перваго Великаго Князя Рюрика и до Царя и Великаго Князя Ѳедора Іоанновича всеа великія Россіи Самодержца, и родословіе отъ Великихъ Князей и удѣльнымъ Княземъ, и отъ нихъ родословіе и имяннымъ Княземъ, и родословіе боярскимъ и дворянскимъ родамъ, и родословіе дѣтемъ боярскимъ разныхъ городовъ писано по ряду всѣмъ // Временник императорскаго московскаго Общества истории и древностей российских. 1851. Кн. 10. С. 93).

²⁹ [Миллер Г.Ф.] Опыт новейшей истории о России. С. 28.

поддерживал. Монахи Ипатьевского монастыря не только сочинили данный миф, но и придали ему литературную форму, изложив его приблизительно в последней четверти XVI века в форме произведения под названием «Сказание о Чете». Раскрывая подоплеку мифа о происхождении Бориса Годунова от татарского мурзы, сильно навредившего репутации будущего царя, историк С.Б. Веселовский писал: «Известно, что наиболее цветистые и фантастические легенды о выездах сочиняли не старые, исторически известные роды, которым подобные легенды в сущности ничего не давали и ничего не прибавляли к их старой славе, а рядовые служилые роды, в особенности те, которым удавалось подняться в верхние слои служилого класса и приходилось соприкасаться с родовитыми людьми, смотревшими на них свысока, как на выскочек и безродных случайных людей. В аналогичном положении оказался в ряду старых монастырей Ипатьев монастырь, быстро разбогатевший в последней четверти XVI в., благодаря вкладам Годуновых, царицы Ирины и царя Федора. К этому, по-видимому, времени относится сочинение легенды о знатном татарине Чете, о чудесном ему видении во сне богородицы с Ипатием и Филиппом, о его чудесном исцелении, крещении и об основании в память этого чуда монастыря. Правда, это был не русский князь, не высокочтимый святой, мощам которого можно было поклоняться, но в некоторых отношениях это было лучше и того и другого: это был родоначальник Годуновых, предок царя Бориса и царицы Ирины, которые своими вкладами создали крупнейший монастырь общерусского масштаба, с первоклассной крепостью»³⁰.

Сохранившиеся документы о землевладении потомков Захария Четы показывают, что его род был «исконным многовотчинным костромским родом, которому в лице Годуновых удалось сохранить часть своих вотчин даже в XVII в., т.е. на протяжении 350 лет»³¹. Дед Бориса Годунова Иван Григорьевич Годунов³², помимо владений близ

³⁰ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 177–178.

³¹ Там же. С. 175.

³² Имя И.Г. Годунова присутствует в «Государевом родословце» 1555–1556 годов. См. запись о Годуновых из этого родословца в издании: Родословная книга князей и дворян российских и выезжих (Бархатная книга). Часть 1. М., 1787. С. 247. Отцом

Костромы, имел также земли, и в Вяземском уезде. Вяземскими помещиками были и три его сына: Иван, Дмитрий и отец будущего царя Федор Иванович, по прозвищу Кривой. Они указаны в «Дворовой тетради» 50-х годов XVI века в числе землевладельцев Вязьмы («Иван, да Федор, да Дмитрей Ивановы, дети Годунова»)³³. В одном из сел вяземского уезда, принадлежавших Федору Ивановичу (возможно, это было село Федоровское, находившееся в 12 км на восток от Вязьмы) и родился в 1552 году Борис Годунов.

Вяземским помещиком являлся и Григорий Иванович Бельский, вошедший в русскую историю под именем Малюты Скуратова. Двоюродный брат Бориса Годунова, сын его дяди Ивана Ивановича, по прозванию Чермной, Дмитрий Иванович Годунов был с 1571 года постельничим у Ивана Грозного и другом Бельского-Скуратова. Этот союз был скреплен браком Бориса Годунова на Марии Григорьевне Бельской. В 1573 году Малюта Скуратов погиб, как-то очень вовремя и потому странно, однако Годуновы к тому времени уже прочно обосновались при царском дворе. В 1575 году сестра Бориса Федоровича вышла замуж за Федора Ивановича, который в то время еще не был наследником престола, и вряд ли Иван Васильевич хотел его видеть в этом качестве. Но смерть старшего сына грозного царя Ивана Ивановича в 1581 году изменила статус Федора Ивановича: он стал наследником царского престола. Для Бориса Годунова открылся путь к возвышению и одновременно к трагедии. Это резко усилило враждебность к нему со стороны знатных боярских родов, особенно тех, кто вел свое происхождение от Рюрика.

Пока был жив царь Федор Иванович, представлявший царствовавшую династию Рюриковичей, борьба между кланами русской аристократии, хотя и принимала иногда острейшие формы, не разрушала государство. Боярские группировки вынашивали замыслы

Ивана Григорьевича, прадедом Бориса Годунова, был Григорий Иванович Годунов, который в «Государевом родословце» обозначен как старший сын Ивана Годуна — родоначальника годуновской ветви боярского рода Захария Четы (Там же. С. 246).

³³ Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подготовил к печати А.А. Зимин. М.-Л., 1950. С. 188. Четвертым сыном Ивана Григорьевича был Василий, он стал монахом Троицко-Болдинского монастыря в Дорогобужском уезде, там же и окончил свои дни.

убийства своих противников и даже порой предпринимали попытки их осуществить, но заговоры, которые они плели, были **заговорами против персон, а не государства**.

Положение изменилось вследствие смерти царя Федора Ивановича 7 января 1598 года³⁴. Он не имел детей и по этой причине царский престол было некому наследовать в традиционном для Московского государства династийном порядке, при котором, говоря словами Ивана Грозного, «сынъ ото отца отеческое наслѣдие по благословению приемлет самовластно и самодержавно» и своим подданным креста не целует. В «Повести о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси» патриарха Иова³⁵, которая была написана не позднее 1603 года, возникшая ситуация описывалось следующим образом: «Се днесь благочестивый государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси, звание приим от Бога, оставив земное царство, восходит к вышнему; отселе же прекрасный и многолетний царский престол Великия Росия вдовствовати начинает, и великий Богом спасенный матере градовом царствующи многолюдный град Москва сиротства сетования приемлет, и пречистый и долговременный и многогородный царский корень прекращения конец приемлет»³⁶.

Пресечение царствующей династии в конце XVI столетия несло в себе угрозу существованию Московского государства по многим причинам, но главная из них была связана с его феодальной природой. В основе внутренней организации Московского государства лежала предельная персонификация государственной власти. В общественном сознании русского общества той эпохи государство

³⁴ В жизнеописаниях царя Федора Ивановича днем его кончины чаще называется 7-й, а не 6-й день января 1598 г. Это расхождение проясняется следующим замечанием Г.Ф. Миллера в его «Опыте новейшей истории России: «Царь Федор Иванович преставился, по словам розрядным (т.е. по разрядным записям. — В.Т.), в 7106 году генваря 6 дня в десятом часу ночи, то есть в третьем часу по полуночи генваря 7 числа 1598 года» ([Миллер Г.Ф.] Опыт новейшей истории о России. С. 62).

³⁵ Полное название этого произведения: «Повесть о честном житии благоверного и благородного и христоролюбивого государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси, о его царском благочестии и о добродетельном исправлении, о святем его преставлении. Писано смиренным Иевом патриархом Московским и всеа Руси».

³⁶ Повесть о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси // ПСРЛ. Том XIV. Половина 1-ая. СПб., 1910. С. 18.

сливалось неразрывно с персоной царя, так что ее отсутствие воспринималось как безгосударственное состояние, в котором господствует ничем не ограниченная вольница.

Высший слой русского общества состоял в массе своей из людей, привыкших личные свои интересы связывать не с государством, не с институтами власти, а с персонами, носившими царский титул. Смерть последнего представителя царствующей династии, разрушив наследственный порядок замещения царского престола, когда лишь кто-то один мог претендовать на царство, создала ситуацию, при которой претендентов могло быть несколько. В этих условиях резко обострилась междоусобная борьба в среде русской аристократии, возникла благоприятная почва для мятежей. Оршанский староста Андрей Сапега, возглавлявший целую сеть агентов-информаторов, раскинутую по российским городам, сообщал великому гетману Литовскому Христофору Радзивиллу 13/23 февраля 1598 года: «**В Москве теперь великое замешательство**, особенно по делу об избрании великого князя...»³⁷ (выделено мною. — В.Т.).

Летописные памятники, политические и юридические документы, хроники, записки, мемуары, отразившие обстановку, которая возникла в русском обществе после кончины Федора Ивановича, показывают, что опасность мятежей в то время в полной мере сознавалась. Влиятельные общественные группировки стремились до минимума сократить период междуцарствия. Однако основать новую царствующую династию после династии Рюриковичей, правившей на Руси более семи столетий и ставшей уже традиционной, было чрезвычайно сложно. У представителя царствовавшей династии право на царство и великое княжение проистекало из его кровнородственной связи с предшествовавшим монархом и уже по одной этой причине считалось божественным. Но откуда, из какого источника могло появиться право занять царский престол у того, кто не принадлежал к царствовавшей династии? Очевидно, что оно должно было опираться на **новые идеологические, политические и юридические основания**, способные заменить собой отсутствие у нового государя кровнородственной связи с царствовавшей династией. Утверждение таких

³⁷ Из львовского архива князя Сапеги // Русский архив. 1910. Вып. 11. С. 344.

оснований предполагало ослабление персонификации государственной власти и усиление ее институционализации.

Обстоятельства восшествия Бориса Годунова на царский престол показывают, что для создания более прочных оснований возвышению до титула царя всея Руси человека, не принадлежавшего к царствовавшей династии и даже уступавшего по знатности немалому числу других бояр, пришлось искать опору не только в русской аристократии, но и среди широкого круга служителей церкви, а еще и в массе простого народа. В своей речи на священном соборе — совещании митрополитов, архиепископов, архимандритов, игуменов и других священников, — состоявшемся 9 марта 1598 года, патриарх Иов характеризовал «благочестивого государя царя и великого князя Бориса Федоровича, всея Руси самодержца» как **«Богом избранного ото всего народа крестьянского»**³⁸. Под народом «крестьянским» здесь имелись в виду скорей всего не одни сельские жители-крестьяне, но все вообще население, исповедовавшее христианскую веру. Как бы то ни было, называя Годунова избранным от всего крестьянского народа, патриарх давал понять, что новый государь взошел на трон благодаря широкой народной поддержке и может поэтому игнорировать требования боярства, не соответствующие интересам государства.

Еще более интересным нововведением в случае восшествия на царский престол Бориса Годунова была попытка закрепить его царский титул и статус грамотами о его избрании, подписанными представителями различных сословий общества, и при этом придать этим документам незыблемый характер, свойственный политической конституции.

Таким образом, пресечение в 1598 году традиционной, много веков царствовавшей на Руси династии Рюриковичей не только несло в себе реальную опасность гибели сложившегося в русском обществе государственного организма, но и создавало предпосылки для его обновления. Уникальность русской Смуты начала XVII столетия

³⁸ Грамота утвержденная, об избрании царем Бориса Федоровича Годунова. 1598, августа 1 // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Том 2. 1598–1613. СПб., 1836. С. 38.

проявилась в том, что она стала государственной катастрофой, повлекшей за собой модернизацию Русского государства.

§ 2. Идеологические, политические и юридические основания восшествия Бориса Годунова на царский престол

Как известно, после кончины Федора Ивановича царская власть на короткое время перешла к его вдове, царице и великой княгине Ирине Федоровне, но перешла не по естественному порядку — вследствие одного факта смерти ее царственного супруга, — а по *благословению* и *молению* высшего духовенства и *челобитью* различных групп населения Московского государства. В Пискаревском летописце это событие описывалось следующим образом: «**В лета 7106-го** по смерти благочестиваго и христоролюбиваго царя и великого князя Федора Ивановича, всея Руси самодержца, прияша власть скипетра Московского государьства благоверная и христоролюбивая **царица** и великая княгиня Ирина, инока Александра, Федоровна всея Руси по благословению и молению отца своево и богомольца святейшаго Иева, патриарха московского и всеа Руси, и митрополитов, и архиеписко[по]в, и епискупов и по челобитью Руския державы Московского государьства бояр и окольничих, и дворян, и всяких чинов людей, и всего православнаго христианства на малое время, покамест бог царьство строит от всех мятежей и царя даст. И крест ей целоваша вся земля Расийского государьства»³⁹. Историк М.М. Щербатов, касаясь этого эпизода, отмечал: «По кончине царя Федора Иоанновича немедленно положено было главными боярами, чтобы в правлении употреблять имя царицы Ирины Федоровны, и в важных делах, яко и всегда обычай был, требовать совета патриарха»⁴⁰.

Уже 8 января 1598 года был объявлен первый указ царицы — он провозглашал амнистию в память об усопшем государе. Сообщив, что «Божиим изволением блаженныя памяти государя царя и великого

³⁹ ПСРЛ. Том 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. С. 201.

⁴⁰ Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. Том 7. От кончины царя Федора Иоанновича до избрания царя Михаила Федоровича, дому Романовых. Часть 1. Царствование царя Бориса Федоровича, и его сына. СПб., 1790. С. 4.

князя Федора Ивановича всея Руси не стало», данный указ предписал освободить тех, кто «по своим винам в его государеве Цареве и великого князя Федора Ивановича всея Руси опале в изменах и во всяком воровстве и на всей татьбе⁴¹ и в розбое сидели по городам в тюрьмах»⁴². Об издании царицей-вдовой такого указа сообщил в своей «Повести о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси» патриарх Иов. По его словам, ««благочестивая же царица и великая княгиня Ирина Федоровна всеа Руси» открыла темницы и тюрьмы и освободила заточенных там и приговоренных к смерти, оказав им всяческую помощь («вся же темница и узилища тогда отверзе и сущихъ въ нихъ повинныхъ смерти всѣхъ на животь свобожая и въ скудости потребныхъ имъ всячески помогая»)⁴³. Патриарх Иов упомянул и о других указах царицы-вдовы. По его свидетельству, государыня «повелѣ патриарху и всему освященному собору давати милостыню доволну; такоже и нищихъ безчисленно множество собравъ, насытивъ доволна и милостыню пространну подавъ»⁴⁴.

В девятый день после смерти супруга царица Ирина Федоровна удалилась в Новодевичий монастырь и приняла там иноческий чин с именем Александры⁴⁵. И хотя приказы и распоряжения, продолжали издаваться от ее имени, царский престол снова оказался свободным. Согласно Пискаревскому летописцу, после этого, «по духовенію божию и по совету святейшаго патриарха Иева московскаго и всея Руси и всего священного собору, и бояр, и дворян, и всяких чинов людей, и всех православныхъ христіанъ били челомъ царице и великой

⁴¹ Имеется в виду: «во всей татьбе». — В.Т.

⁴² Текст данного указа дошел до нас благодаря одной из сохранившихся грамот о нем, которые было поручено разослать без промедления по местам дьяку Ивану Вафромееву. Когда спустя месяц обнаружилось, что дьяк не во все местности их разослал, то царица, ставшая к тому времени инокиней, приказала ему выполнить это поручение. И дьяк послал грамоты, но уже от имени царицы-инокини Александры Федоровны. См.: Грамота царицы-инокини Александры Федоровны, посланная в Яренск и Вымские волости в феврале 1598 года // Советские архивы. 1970. № 4. С. 84–86.

⁴³ Повесть о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси // ПСРЛ. Том XIV. Половина 1-ая. СПб., 1910. С. 22.

⁴⁴ Там же. С. 21–22.

⁴⁵ В этом монастыре царица Ирина Федоровна, в иночестве — Александра Федоровна, и окончит свою жизнь 23 октября 1603 г.

княгине Александре, чтобы пожаловала, дала брата своего Бориса на престол Русийскаго государства. И много молиша святейший патриарх и боляре, и дворяня, и все православное христианство. И никак не уклонишася на их моление. И февраля в 21 день святейший патриарх Иев московский и всея Руси и со всем вселенским собором, и боляре, и дворяне, и все православное христианство поидоша с образы и со кресты в Новой манастырь к царице и великой кнеине иноке Александре молити и бити челом, что[бы] пожаловала брата своего Бориса на престол Руского государства. И она уклонишася на моление всего православнаго христианства, благословила и повелела прияти скипетр Руские державы, и нар[е]кла его царем и великим князем всему православному христианству. И бысть радость велия православному христианству»⁴⁶.

Благословение царицы Ирины Федоровны было далеко не единственным фактором, способствовавшим восхождению Бориса Годунова на царский тон. По словам историка С.М. Соловьева, «за Годунова был патриарх, всем ему обязанный, патриарх, стоявший во главе управления; за Годунова было долголетнее пользование царскою властью при Феодоре, доставлявшее ему обширные средства: везде — в Думе, в приказах, в областном управлении — были люди, всем ему обязанные, которые могли все потерять, если правитель не сделается царем; пользование царскою властью при Феодоре доставило Годунову и его родственникам огромные богатства, также могущественное средство приобретать доброжелателей; за Годунова было то, что сестра его, хотя заключившаяся в монастыре, признавалась царицею правительствующею и все делалось по ее указу: кто же мимо родного брата мог взять скипетр из рук ее? Наконец, для большинства и большинства огромного царствование Феодора было временем счастливым, временем отдохновения после бед царствования предшествовавшего, а всем было известно, что правил государством при Феодоре Годунов»⁴⁷.

⁴⁶ ПСРЛ. Том 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. С. 201.

⁴⁷ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 4. Том 8. М., 1960. С. 346–347.

Против Годунова было его недостаточно знатное происхождение, чтобы стать выше остальных бояр. 5/15 февраля 1598 года Андрей Сапега писал Христофору Радзивиллу, что по сведениям, полученным из Москвы, «когда Годунов увидел, что великий князь Московский (Федор Иванович. — В.Т.) не может быть жив, он пришел к нему (при этом была и сама княгиня и Федор Романович) и стал его с плачем спрашивать и просить, чтобы он объявил, кого считает достойным избрания после своей смерти на великокняжеский стол, надеясь, что он укажет на него; на что тот ответил ему: “Ты не можешь быть великим князем, разве только если тебя выберут по общему соглашению, но сомневаюсь, чтобы тебя избрали по той причине, что приходишь от подлого народа (т.е. от простолюдинья. — В.Т.)”. Но он указал на Федора Романовича, предполагая, что скорее выберут его»⁴⁸. При этом, по словам Сапеги, царь Федор Иванович будто бы увещевал Федора Романовича, «если его выберут великим князем, чтобы он не оставлял Годунова и постоянно держал бы его при себе, как и он, и без его совета ничего не делал, убеждая его, что Годунов умнее»⁴⁹.

Историк Д.И. Иловайский, описывая восшествие на престол Бориса Годунова, отмечал, что в пользу Бориса Годунова действовали два самых могущественных союзника: патриарх Иов и царица-инокиня Ирина-Александра, «но еще более сильным аргументом в пользу Годунова говорила его прошедшая деятельность и умное управление делами: народ привык к его управлению; а наместники и чиновники, лично им поставленные и возвышенные, естественно тянули общественное мнение в его сторону»⁵⁰.

По сведениям, полученным Андреем Сапегой от одного московского купца, служившего у него информатором, на стороне Годунова были некоторые думные бояре, все стрельцы за него стояли и «чернь почти вся». А за Федора Романовича — «большая часть воевод и думных бояр»⁵¹.

⁴⁸ Из львовского архива князя Сапеги. С. 340.

⁴⁹ Там же. С. 340–341.

⁵⁰ *Иловайский Д.И.* История России. Том 3. Московско-царский период. Первая половина или XVI век. М., 1890. С. 358.

⁵¹ Из львовского архива князя Сапеги. С. 343. Андрей Сапега подтвердил эту информацию в письме к Христофору Радзивиллу от 13/23 февраля 1598 г.,

Сразу после того, как царица-вдова благословила Годунова на царство и повелела ему взять в руки скипетр русской державы, его стали величать царем и великим князем. Когда толпе народа, собравшейся в Кремле, дьяк Василий Щелкалов предложил присягнуть боярской думе, ему ответили: «Не знаем ни князей, ни бояр, знаем только царицу, которой присягали; она и в черницах мать России». На замечание же дьяка, что царица отказалась от правления, а государству нельзя быть без правительства, толпа закричала: «Тогда пусть царствует брат ее Борис Федорович!»

И тем не менее всего этого оказывалось недостаточным для того, чтобы Годунов мог стать законным царем, все это не могло восполнить отсутствия у него **кровного** родства с отошедшим в мир иной царем Федором Ивановичем. Не мог стать достаточным юридическим основанием для восшествия на царский престол и тот факт, что Годунов приходился родным братом Ирине Федоровне. Это хорошо понимал и сам Годунов. Поэтому настоял на созыве земского собора, чтобы получить от него избрание на царство.

Из описания этого избрания в Пискаревском летописце неясно, как в действительности оно происходило. В нем говорится: «И в то же время царь и великий князь Борис Федорович всеа Руси советует с отцем своим богомольцем святейшим патриархом Иевом московским и всеа Руси и со всем священным собором, и з бояры, и з дворяны, и с приказными людьми, и со всем православным христианством, а велел им написати излюбленную запись и руки прикласти, и печати привесити. И оне, ни мало не помедлив, сотвориша повеление его, записи написали и руки приклали, и печати привесили»⁵². Под «записью» в данном случае подразумеваются скорей всего подписанная участниками земского собора «Грамота утвержденная,

заметив, что воеводы и думные бояре согласны избрать одного из романовичей, Федора или Александра, «так как они родственны великому князю; чернь и стрельцы сильно стоят за Годунова. Поэтому они никак не могут помириться, между ними великое разногласие и озлобление» (там же. С. 344).

⁵² ПСРЛ. Том 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. С. 201.

об избрании царем Бориса Федоровича Годунова» – обширный документ, обосновывавший его права на царский престол⁵³.

Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича, скорее всего во дворце его отца патриарха Филарета, дает несколько отличающееся от приведенного в Пискаревском летописце изложение событий, последовавших сразу по кончине Федора Ивановича. Умиравший царь якобы отказался кому-либо завещать престол. Тяжко заболев и узнав, что отходит к Богу, он «призва к себе благочестивую свою царицу Ирину Федоровну, даяше ей последнее целование и повелеваше ей по отшествии своем отрещися суеты мира и облещися в монашеский образ»⁵⁴. После этого он позвал к себе патриарха. Патриарх Иов пришел с боярами и спросил, кому его величество повелит царствовать по кончине своей. Царь Федор Иванович якобы ответил: «Со царицею уже аз совещахся, а еже глаголеши о царствии, несть моего веления, но яко же Господеви годе, тако и буди, и ему же хочет Бог, тому даст е»⁵⁵.

О том, что царь Федор Иванович не велел своей супруге «благочестивой царице и великой княгине Ирине» царствовать, но повелел ей «принять иноческий образ» и никому вообще престол свой не передал, сказав патриарху Иову, как Богу угодно, так и будет, повествует и составленная немногим позднее Нового летописца «Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей»⁵⁶. Подобная версия предсмертной воли царя Федора Ивановича, но в более подробном изложении приводится также в помещенном в разрядную запись за 1598 год «Сказании о смерти царя Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова». Данное произведение не случайно оказалось среди царских распоряжений о назначении различных должностных лиц. В нем описываются обряды и процедуры, посредством которых Борис

⁵³ См.: Грамота утвержденная, об избрании царем Бориса Федоровича Годунова. 1598, августа 1 // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Том 2. 1598–1613. СПб., 1836. Стлб. 16–54.

⁵⁴ Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. Издан по списку князя Оболенского. М., 1853. С. 45.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей. С. 45–46.

Годунов приобрел законные в глазах населения основания стать новым русским царем.

Так как в соответствии со сложившейся к тому времени в Московском государстве религиозной, политической и правовой традицией царская власть мыслилась исключительно в виде наследственной, династийной⁵⁷, а Борис Годунов не принадлежал к царствующей династии и не имел наследственных прав на царство, любое идеологическое и юридическое оформление его восшествия на царский престол предполагало отход от официальной доктрины самодержавия, влекло за собой *переворот в политическом и правовом сознании русского общества*. Очевидно, что в самом своем начале этот переворот не мог не повлечь за собой ослабления идеологических устоев Московского государства и обострения политической борьбы между различными группировками в высшем общественном слое. С этой точки зрения «Сказание о смерти царя Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова» является документом, отразившим *первые признаки надвигающейся на Россию государственной катастрофы* — так называемой Смуты.

Согласно «Сказанию», после погребения супруга государыня царица и великая княгиня Ирина Федоровна всеа Русии призвала к себе «святейшего патриарха Иова, и митрополитов, и архиепископов, и епископов, и архимандритов, и игуменов, и весь священнический чин и черноризческий чин, потом же и бояр своих всех, и дворян, и дьяков, и детей боярских, тако же и гостей, и всех торговых лутчих людей» из Москвы и изъявила им «и всему народу московскому, что государь ея, царь и великий князь Феодор Иванович всеа Русии, на

⁵⁷ Так, в послании к польскому королю Стефану Баторию 1579 года Иван Грозный заявлял: тебя по Божей милости избрали народы и сословия королевства Польского, «да посадили тебя на тѣ государствуя устраивати их, а не владѣти ими» (т.е. управлять ими, а не владеть ими. — В.Т.). Они люди со своими вольностями, и ты присягаешь величию их земли. «А нам, — обращался государь к существу своей царской власти, — всемогущая десница Божия дала государство, а от челоуѣкъ никто же, и Божию десницею и милостию владѣемъ своим государством сами, а не от челоуѣкъ приемлем государство, развѣ сынъ ото отца отеческое наслѣдие по благословению приемлет самовластно и самодержавно, а своим людем креста не целуем» (Грамота государя царя и великого князя Ивана Васильевича Всеа Русии к Степану королю Полскому 1579 года // Библиотека литературы Древней Руси. Том 11. XVI век. М., 2001. С. 166, 168).

преставлении своем, отходя сего света, призвал ея, государыню царицу и великую княгиню Ирину Федоровну всеа Русии и приказал ей, государыне, чтоб она после его, государева, живота преселилась от мирского жития и приняла б агтельской образ, а царство б его, государево, и свое, пресловущий град Москву и все Российское государство, предала в руце бога жива[го] господа нашего Иисуса Христа и пречистой богородицы, его матери, и великим московским чудотворцом Петру, Алексею, Ионе и всем российским московским чудотворцом: кому господь наш Иисус Христос и пречистая его мати восхощет, тому и предаст царствовати Российским Московским государством»⁵⁸.

Выраженный в этих словах царя Федора Ивановича взгляд на божественное происхождение царской власти соответствовал официальной доктрине «*православного христианского самодержавия*», сформулированной в ее основных постулатах его отцом Иваном IV Грозным⁵⁹. «Мы, смиренный, Иванъ Васильевичъ, сподобихомся носитель быти крестноносные хоругви и креста Христова Российского царствия и иныхъ многихъ государствъ и царствъ и скифетродержатель великихъ государствъ, царь и великий князь всеа Русии <...> по Божию изволенью, а не по многомятежному человечества хотѣнию»⁶⁰, — такими словами начинал этот государь свое послание польскому королю Стефану Баторию, написанное в 1581 году.

Далее в «Сказании о смерти царя Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова» говорилось, что после того, как царица-вдова приняла иноческий чин, «преселилась от земнаго царства во иноческий ангелский образ», назвавшись монашеским именем Александра, к ней в Новодевичий монастырь, в течение месяца, с 20 января по 20-й день февраля, приходили «по многия дни» патриарх Иов со всеми митрополитами, архиепископами, епископами, архимандритами, игуменами, со всем духовенством, а также с

⁵⁸ Сказание о смерти царя Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова (Записи в разрядной книге) // Записки отдела рукописей / Государственная библиотека СССР им В. И. Ленина. Вып 19. М. 1957. С. 174–175.

⁵⁹ См. об этой доктрине: Томсинов В.А. История русской политической и правовой мысли. X–XVIII века. М., 2003. С. 106–115.

⁶⁰ Послание Ивана Грозного польскому королю Стефану Баторию 1581 года // Библиотека литературы Древней Руси. Том 11. XVI век. М., 2001. С. 170.

боярами, дворянами, дьяками, приказными людьми и со множеством московского народа, «чтоб она, государыня, над ними смиловалася, а их бы сирых не оставила, а дала им во государи цари на Росийское Московское государство брата своего Бориса Федоровича»⁶¹. Но сестра Годунова монахиня Александра на все эти мольбы никак не отвечала, а Борис Федорович говорил, «что ему быть на Московском Росийском государстве государем невозможно да и на уме того у него нет, что ему на такой великой царьской престол дерзнуть»⁶².

Интересно, что в «Сказании» ни слова не говорится об избрании Бориса Годунова на царство на заседании Земского собора, которое состоялось 17 февраля 1598 года. Между тем о нем сохранились сведения в массе других источников. Так, в Мазуринском летописце под датой «лета 7106-го году» отмечено: «Того же году патриарх Иев учини собор со всеми властями и призва к себе баяр и воинство и всех православных христиан, и усобороваша с ними, выбраша на московское царство царем Бориса Федоровича Годунова»⁶³.

Рассказ одного из участников этого собора передал в своих записках Конрад Буссов, немецкий офицер, служивший в Москве в отряде иностранных наемников с осени 1601 года. Согласно ему, во время траура по усопшему царю Федору Ивановичу Борис Годунов «перестал заниматься делами управления, никакие суды не действовали, никто не вершил правосудия. К тому же во всей стране было беспокойно, и положение было опасным. Дабы всей земле не случилось еще большего худа, вельможам и боярам (Reichsraethe) пришлось по прошествии шести недель траура (положенных у них) созвать в главный город Москву **все сословия земли**, чтобы каждое высказалось, кого из вельмож, князей и бояр они хотят избрать и иметь царем»⁶⁴ (выделено мною. — В.Т.).

25 января / 4 февраля 1598 года Андрей Сапега сообщал в письме к Христофору Радзивиллу, что его шпионы доносят из Москвы, будто на освободившийся после смерти царя и великого князя Федора

⁶¹ Сказание о смерти царя Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова. С. 177.

⁶² Там же.

⁶³ Полное собрание русских летописей. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968. С. 146.

⁶⁴ Буссов К. Московская хроника. М.-Л., 1961. С. 81.

Ивановича престол претендуют четверо: «Годунов, о котором говорят, что он очень болен; второй Мстиславский, который, говорят, занимал в совете первое место после великого князя; третий — Федор Романович Никитич⁶⁵, о котором говорят, что он родной дядя по матери покойного великого князя; и четвертый Бельский, о котором говорят, что покойный великий князь гневался на него по той причине, что он хотел быть великим князем, несмотря на онаго собственного потомка... Поэтому Москва полагает и люди поговаривают между собою, что по поводу выборов великого князя будет жестокое кровопролитие, если не окажется милость Божия и не будет общего согласия всего государства: а между этими четырьмя больше всего сторонников считают за Федором Романовичем Никитичем, как родственником великого князя»⁶⁶.

Историки по-разному определяют количество участников земского собора 1598 года. Н.М. Карамзин насчитывал 500 человек, С.М. Соловьев — 474, И.Д. Беляев — 456, В.О. Ключевский — 512. Трудности определения действительного состава собора проистекают в значительной мере от того, что избрание Бориса Годунова на царство случилось в день открытия собора 17 февраля 1598 года, а Утвержденная грамота об этом избрании подписывалась пять — пять с половиной месяцев спустя. Датирована же она была 1-м августа того же года. За это время состав собора заметно изменился. По замечанию В.О. Ключевского, специально изучавшего данный вопрос, «некоторые члены, бывшие на первых заседаниях собора, по делам службы не вернулись в Москву из похода и не приложили своих рук к грамоте 1 августа или должны были покинуть столицу, прежде чем успели приложить свои руки, зато другие, не поспевшие на первые заседания собора, присутствовали на последних и успели подписаться под соборною грамотой»⁶⁷.

⁶⁵ Так в оригинале письма. — В.Т.

⁶⁶ Из львовского архива князя Сапег // Русский архив. 1910. Вып. 11. С. 339.

⁶⁷ Ключевский В.О. Состав представительства на земских соборах Древней Руси // Ключевский В.О. Сочинения в 9 томах. Том 8. Статьи. М., 1990. С. 322. Историк С.П. Мордвинова, считавшая число участников собора 17 февраля 1598 г. по перечням и подписям в трех списках Утвержденной грамоты, насчитала около 600 человек. При этом она признала, что любая цифра, обозначающая число участников данного собора может носить лишь условный характер. См.:

По рассказу Конрада Буссова, когда представители различных сословий собрались на заседание, Борис Годунов «вышел к ним, передал высшим чинам царский скипетр и сложил с себя обязанности правителя, притворившись, будто он очень рад избавиться от такой большой заботы и тягости и будто корона и скипетр ему ненавистны, чему многие из важных персон дивились, не зная, что за этим кроется»⁶⁸. Сложив с себя полномочия правителя, Годунов покинул заседание собора и не принял участия в выборах нового царя. Он явно был уверен в том, что будет избран. И действительно, когда наступил момент определиться, кто станет новым царем, по свидетельству, приведенному в записках Конрада Буссова, «большинство высказалось так: в стране достаточно знатных вельмож, князей и бояр, но нет мудрого и разумного царя, а поскольку до сего времени правитель Борис Федорович вершил государственные дела так, как не вершил их еще никто с тех пор, как стоит их монархия, то они хотят иметь царем его и не хотят никого иного. Тут стали говорить, что “*Vox populi, vox Dei*” (Глас народа – глас божий), в кого выбрал весь народ, тот без сомнения избранник божий. Эти речи неприятно было слушать многим знатым вельможам, князьям и боярам, да пришлось им стерпеть»⁶⁹.

М.М. Щербатов, опираясь на скудные сведения летописных хроник об избрании Годунова на земском соборе, дал в своей «Истории российской» следующую картину произошедшего: «Не является, чтобы тут был установлен какой порядок в дании голосов, а единственно кажется, первые объявили свою мысль духовные особы,

Мордвинова С.П. К истории Утвержденной грамоты 1598 г. // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 138.

⁶⁸ Буссов К. Московская хроника. С. 81.

⁶⁹ Там же. С. 82. Муж дочери Конрада Буссова лютеранский пастор Мартин Бер (Martinus Bäer), служивший в Москве с 1600 до 1612 г., оставил в своей хронике почти похожее описание избрания Бориса Годунова на земском соборе. По его рассказу, «все чины собрались вместе и большинством голосов определили: “Хотя много князей и бояр в государстве, но нет мудрого и разумного царя. А как Борис Феодорович Годунов доселе управлял престолом лучше всех прежних венценосцев; то, кроме его, никого другого иметь царем не желаем”». После этих слов пастор-летописец заметил: «Тогда-то оправдалась пословица: *глас Божий – глас народа*; кого все избирают, тот и Богом избран» (Бер М. Летопись московская, с 1584 по 1612 // Сказания современников о Димитрии Самозванце. Часть 1. Бер, Паерле, Маржерет и Де-Ту. СПб., 1859. С. 15).

последуя вдохновенно своего начальника (патриарха Иова. — В.Т.); а тогда народ, стоящий, может быть, и кругом дому, не дал и время боярам предлагать свои мнения, но воплями своими их мысли заглушил, крича, что они *Годунова* хотят на царство: ибо хотя в грамоте⁷⁰ и объясняются многие повествования, якобы от бояр учиненные, не токмо о великой милости к нему царя *Иоанна Васильевича*, и даже почти о усыновлении его, но и по сей грамоте сей видно, что они после восклицания народного были учинены, и многое в ней есть совсем невероятное, вмещенное из лести к царю *Борису Годунову*: и тако происки и вопли наименее просвещенных решили судьбу государства»⁷¹. На решающую роль простого народа в избрании Годунова на царство действительно указывают многие летописные документы и записки современников.

После избрания Бориса Годунова на царство послали за ним, чтобы объявить об избрании, но он, согласно рассказу, приведенному в записках Буссова, «отказался прийти, не пожелал стать царем», но отправился в Новодевичий монастырь к своей сестре Ирине, распустив при этом слухи о том, что желает посоветоваться с ней, «уйти ли ему в монастырь и стать монахом, или поступить как-либо иначе»⁷².

Конрад Буссов назвал данный поступок Годунова «лукавством» — в действительности же это был хорошо продуманный шаг. Борис Федорович понимал, что избрание земским собором являлось весьма шатким основанием для занятия престола человеком, не принадлежащим к царствовавшей династии, и хотел добавить к этому основанию более весомые в общественном сознании доводы.

Последовавшие за этим события более подробно описываются в «Сказании о смерти царя Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова». 20 февраля 1598 года патриарх Иов со всем духовенством, а также бояре, дворяне, дьяки, приказные и масса народа московского собрались в Соборной апостольской церкви Пречистой Богородицы и после многих молений Иисусу Христу и Пречистой Его Матери, взяв в

⁷⁰ Имеется в виду «Грамота утвержденная, об избрании царем Бориса Федоровича Годунова», датированная 1-м августа 1598 г.

⁷¹ Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. Том 7. Ч. 1. С. 9.

⁷² Буссов К. Московская хроника. С. 82.

руки иконы и кресты, двинулись крестным ходом из Москвы к Новодевичьему монастырю. Там все они, встав перед монахиней Александрой и ее братом Борисом Федоровичем, по словам «Сказания», «молили и великим воплем вопияли.. А моление их сице бысть, чтоб она, государыня царица и великая княгиня инока Александра Федоровна всеа Росии, пожаловала, над Московским государством смиловалася, а их бы бедных моления и плача не презрила и сирых бы их не оставила, а дала б им во государи, цари и великия князи на Росийское государство брата своего родного, слугу и конюшего и боярина Бориса Федоровича, потому что он же, Борис Федоровичь, при государе, царе и великом князе Феодоре Ивановиче всеа Росии по его государеву приказу правил великим и крепким правительством все Московское государство во всем Росийском царстве четырнатцать лет в земских росправах и в полководном в воинствех, и многих пограничных государей учинил он, Борис Федорович, государю царю и великому князю Феодору Ивановичю всеа Росии в холопех, и царства пограничныя и дальныя многия государю покорил под его государеву крепкую десницу, и землю государеву велиим пространством розширил. И люди государевы всего Московского государства его, Борисовым Федоровича, правительством все были в покои и в тишине»⁷³.

Любопытно, что свое моление царице-монахине дать в цари и великие князи на Росийское государства своего родного брата собравшиеся во главе с патриархом Иовом у стен Новодевичьего монастыря объясняли, согласно «Сказанию», не только тем, что Борис Годунов имел родство от ее крови, но и его *заслугами в управлении государством*. При этом в числе этих заслуг назывались его успехи во внутригосударственной политике и возвышение России на международной арене до такой степени, что «порубежныя и дальныя все государи, цари» страх великий перед нею в своем сердце заимели и стали присылать к нему послов своих, «чтоб он, Борис Федорович, к себе их по дружбе и в братстве учинил, а государю царю и великому князю Феодору Ивановичю всеа Росии от них бил челом, чтоб их государь царь и великий князь Феодор Иванович всеа Росии по его,

⁷³ Сказание о смерти царя Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова. С. 177–178.

Бориса Федоровича, печалованью воевать земель их не велел и рати бы своей государь на них не посылал, а они холопи государевы вовеки»⁷⁴.

Вымолвив царице-монахиня свою просьбу, патриарх Иов и все пришедшие с ним духовные лица известили ее «от всего сердечного желания», что сложат с себя все свои святительские чины и посохи свои положат, не отходя от Новодевичьего монастыря, если царица-монахиня Александра Федоровна не пожалует в государи на Московское Российское государство брата своего Бориса Федоровича.

Здесь наступил кульминационный момент всей процедуры идеологического оформления восшествия Бориса Годунова на царский престол в полном соответствии с последним повелением царя Федора Алексеевича — поставить новым царем того, кого Бог захочет. Реакция сестры Годунова на ультимативное заявление духовенства была изображена в «Сказании» не уступкой, не ответом на просьбу, а следствием **божественного озарения**. Увидев, что пришедшие из Москвы во главе с патриархом Иовом священники, бояре, дворяне, приказные люди и весь народ принесли с собой икону Пресвятой Пречистой Богородицы и «честныя кресты, и живоносныя образы и пришли в Новой Девичь монастырь молити ея, государыню царицу и великую княгиню иноку Александру Федоровну всеа России, о брате ея, о Борисе Федоровиче», чтобы она дала им его в государи на Российское Московское государство, и что они молят также Бориса Федоровича, чтобы он моления их не презрел и стал государем, и что никого другого не желают они видеть государем, кроме Бориса Федоровича, и усмотрев во всем этом божий промысел, «призывает государыня царица и великая княгиня инока Александра Федоровна всеа Росии к себе брата своего Бориса Федоровича, увещавает его и благословляет его государыня государем на Росийское Московское государство по молению и по прошению с великим воплем святейшаго патриарха Иова, и митрополитов, и архиепископов, и епископов, и архимандритов, и игуменов, и всего священнического чину, тако же и бояр, и дворян, и дьяков, и детей боярских, и всех

⁷⁴ Там же. С. 178.

приказных людей, и гостей, и всего росийского московского народу и сущих младенец»⁷⁵.

Согласие Бориса Годунова стать новым государем было представлено в «Сказании» не в качестве уступки на увещевания и принятия благословения сестры, но как **подчинение божьей воле**. Услышав их, он, как описано в «Сказании», «многия слезы излия и не хотя дерзнути на такой превеликой царьской престол, да не волею ни хотением повинися в таком превеликом деле сестры своей царице и великой княгине иноке Александре Федоровне всеа Росии и видя то, что такое дело сталося **божиими судьбами**, а не человеческим хотением»⁷⁶ (выделено мною. — В.Т.). Говоря свое «жаловальное слово», Борис Годунов заявил, что он, по благословению сестры своей царицы и великой княгини иноки Александры Федоровны и по прошению святейшего патриарха Иова Московского и всех духовных лиц, «и бояр, и дворян, и всего росийского московского народу и с сущими младенцы **дался на волю божию**, а учинитца у них на Московском Росийском государстве государем»⁷⁷ (выделено мною. — В.Т.).

Примечательно, что и Конрад Буссов в своих записках передает, что свое согласие стать новым царем Годунов представил как подчинение божьей воле. По сведениям, приведенным немецким хронистом, Борис Федорович, обратившись к толпе народа, многократно просившей его не отказываться от царства, сказал, что воспринимает эти просьбы как **волю господню** на то, чтобы стать ему государем на Руси⁷⁸.

Этими словами Годунов давал понять, что **на царский престол его возвело не избрание на царство земским собором, а действие воли божьей, воли господней, что царем он стал не потому, что был избран собором, а от того, что «дался на волю божию»**.

Но почему же он решил, что одного избрания на царство земским собором недостаточно для того, чтобы стать царем, что необходимо добавить к нему другие, более весомые основания. Думается,

⁷⁵ Там же. С. 179.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же. С. 179–180.

⁷⁸ Буссов К. Московская хроника. М.-Л., 1961. С. 83.

наиболее достоверные факты для разгадки этой тайны дает краткая летописная хроника «Выписка из истории с начала царства царя Федора Иоанновича»⁷⁹, составленная приблизительно в начале 60-х годов XVII века и пересказанная В.Н. Татищевым⁸⁰. В ней подтверждается переданное в записках Конрада Буссова свидетельство о том, что земской собор, избравший Бориса Годунова на царство, был весьма представительным, что бояре созвали в Москву «все сословия земли». «По погребении государя, — говорится в них, — царица, не ходя во дворец, велела себя просто без провожания отвести в Новодевич монастырь и тамо восприят иноческий чин. Бояре же послали немедленно во все государство указы, что на избрание государя приезжали. Для которого съехався множество, собирались к патриарху, и по совету всех перво просили царицы, чтоб она престол восприяла, ведая, что была человек острого ума и великих добродетелей»⁸¹.

Как и другие источники, «Выписка» сообщает, что царица-вдова, ставшая монахиней, решительно отказала в этой просьбе и тогда простой народ, навязав свою волю боярам, избрал новым царем на земском соборе Бориса Годунова. А дословно в летописной хронике, приведенной Татищевым, сказано: «Но она им весьма отказала и ходить к себе запретила. По котором розсуждая, а наипаче подлость (здесь имеются в виду «подлые» или простые люди. — В.Т.), которым Годунов многие милости казал, согласились избрать Бориса Федоровича, чая от него и впредь такого же милостивого и рассмотрительного правления, как он преже их милостию и щедротами обманывал»⁸².

Далее в «Выписке» говорится, что Годунов стал отказываться («отрицаться») от царства, на которое был избран, а когда к нему повторно несколько раз обратились с просьбой принять царство,

⁷⁹ Полное название этой летописной хроники: «Выписка из гистории с начала царства царя Феодора Иоанновича, о русском изчислению от сотворения мира 7090, а от Христа 1582-го года, писанная в середине царства царя Алексиа Михайловича, и к тому нечто из других присовокуплено».

⁸⁰ *Татищев В.Н.* Выписка из гистории с начала царствия царя Феодора Иоанновича // Татищев В.Н. Собрание сочинений. Том 6. М., 1996. С. 281–298.

⁸¹ Там же. С. 287.

⁸² Там же.

уехал к царице в Новодевичий монастырь. Объясняя данный отъезд, составитель этой летописной хроники замечает: «Причина же тому была сия, что бояре хотели, чтоб он государству по предписанной грамоте крест целовал, чего он учинить и явно отказать не хотел, надеясь, что простой народ выбрать его без договора бояр принудят»⁸³. То есть, избрав Годунова на царство, бояре представили ему в письменном виде некие условия, которые он должен был соблюдать при своем царствовании, и предложили скрепить это обещание целованием креста. Однако Борис Федорович не захотел связывать себя боярскими условиями и тем самым ограничивать царскую власть, традиционная идеологическая и юридическая конструкция которой предполагала ее неограниченной, самодержавной. Поэтому он отказался принять на себя титул царя, поднесенный ему земским собором, и удалился в Новодевичий монастырь.

Клан Шуйских попытался воспользоваться этим поступком Годунова и избрать на царство другого. В «Выписке из истории с начала царства царя Федора Иоанновича» данный эпизод описывается следующим образом: «Сие его отрицание и упрямство видя, Шуйские начали говорить, что непристойно более его просить, понеже в большей просьбе и его таком отрицании может быть не без вреда, и представляли, чтоб обирать иного, а осабливо, что они, зная его скрытную злость, весьма его допустить не хотели. По котором все разошлись, и Годунов остался в опасности»⁸⁴.

Новый летописец также сообщает, что избранию Годунова было противодействие со стороны знатного боярского клана: «Едини точию от бояр Шуйские не желаху его царем видети, ведущи хитрость его и чаючи от него многого озлобления, но противу всего множества ничтоже успешна; мнозии бо избраннии шедше начаша Бориса Годунова молити, да будет царем»⁸⁵.

О том, что Шуйские всячески противились восшествию Годунова на царский престол можно понять также из слов «Летописи о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и

⁸³ Там же.

⁸⁴ *Татищев В.Н.* Выписка из истории с начала царствия царя Федора Иоанновича. С. 287.

⁸⁵ Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. Издан по списку князя Оболенского. М., 1853. С. 46.

внешних неприятелей»: «Князи же Шуйские единые его не хотяху на царство, узнав его, что быти от него людям и к себе гонению»⁸⁶.

Бояре Шуйские, хотя и не относились к царствовавшей династии, но были из рода рюриковичей, его суздальской ветви, росток которой дал родной брат Александра Невского суздальский князь Андрей Ярославич, и, следовательно, по знатности намного превосходили Бориса Годунова. Четверо братьев Шуйских — князя Василий, Дмитрий, Александр и Иван Ивановичи⁸⁷ — представляли собой внушительную силу в среде русской аристократии в то время, когда вследствие смерти бездетного Федора Ивановича надлежало избрать нового царя. Но справедливости ради надо признать, что наиболее коварным и опасным для Годунова противником был клан не Шуйских, а Романовых. Этот факт не сообщается в летописных документах составленных после того, как Романовы захватили царскую власть в России, и соответственно отражающих их интересы.

Как бы то ни было, Борис Годунов, отказавшись принять избрание его земским собором на царство, поставил себя в довольно рискованное положение. Спасение для него пришло от патриарх Московского Иова. Созвав на следующий день рано поутру «всех бояр и властей и, взяв из церкви святые иконы», святейший владыка пошел с ними в Новодевичий и стал там просить царицу-монахиню, чтобы она брата своего отпустила. И Александра (бывшая Ирина) Федоровна в конце концов уступила, заявив: «Делайте, как хотите, а мне как старице ни до чего дела нет». Тогда пришедшие с патриархом стали просить Годунова, и он дал согласие стать царем. По словам указанной летописной хроники, «и того ж числа крест ему целовали, но он остался в монастыре, во дворец же перешел марта 3 числа»⁸⁸.

В «Выписке из истории с начала царства царя Федора Иоанновича» умалчивалось о том, что избрание Бориса Годунова на

⁸⁶ Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей. М., 1788. С. 48. Это утверждение в таких же словах приводится и в «Русской летописи по Никонову списку» (М., 1792. Ч. 8. С. 36). Никоновская летопись в своем продолжении с 1583 до 1630 г. См.: Русская летопись по Никонову списку. Изданная под смотрением Императорской Академии наук. Часть 8. 1583–1630

⁸⁷ См.: Систематические списки боярам, окольным и думным дворянам с 1408 года до уничтожения сих чинов. М., 1833. С. 45.

⁸⁸ Там же.

царство считалось «божьим избранием». Эта мысль настойчиво проводилась в изданной 15 марта 1598 года «Окружной грамоте патриарха Иова, о трехдневном молебствии, по случаю восшествия на престол царя Бориса Федоровича». В ней говорилось, что 26 февраля «великий государь, Богом избранный, и Богом возлюбленный, и Богом почтенный, и благочестивый царь и великий князь Борис Федорович, всеа Русии самодержец, прииде в царствующий град Москву»⁸⁹. Примечательно, что в «Утвержденной грамоте об избрании царем Бориса Федоровича Годунова» это сообщение было повторено в превосходных выражениях: «И февраля в 26 день, в неделю сыропустную, великий государь и Богом превозлюбленный и Богом предпочтенный и Богом избранный ото всего народа крестьянского, благочестивый великий государь царь и великий князь Борис Федорович, всеа Русии самодержец, прииде в царствующий град Москву»⁹⁰.

Встретили Бориса Годунова в Москве патриарх Иов и другие духовные лица с честными крестами и чудотворными образами, бояре, весь «царский синклит и все православное христианство». Новый царь прошел в святую великую соборную и апостольскую церковь пречистой Богородицы честного и славного ее Успения и там патриарх вместе «со всем освященным собором сотворил молебные пения и молитву Господу Богу и пречистой его Богоматери о его царстве и державе», а «Богом избранного» государя царя и великого князя Бориса Федоровича, «всеа Русии самодержца», благословил «честным и животворящим крестом» на «Московское царство всея великой России»⁹¹.

⁸⁹ Окружная грамота патриарха Иова, о трехдневном молебствии, по случаю восшествия на престол царя Бориса Федоровича, с приложением форм ектены и многолетия. 1598, марта 15 // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Том 2. 1598–1613. СПб., 1836. С. 3.

⁹⁰ Грамота утвержденная, об избрании царем Бориса Феодоровича Годунова. 1598, августа 1 // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Том 2. 1598–1613. СПб., 1836. С. 35.

⁹¹ Окружная грамота патриарха Иова, о трехдневном молебствии, по случаю восшествия на престол царя Бориса Федоровича, с приложением форм ектены и многолетия. 1598, марта 15. С. 3. Грамота утвержденная, об избрании царем Бориса Феодоровича Годунова. 1598, августа 1. С. 36.

Окончательный же переезд Бориса Годунова с женой, сыном и дочерью в Москву, в царский дом, состоялся, как показывают документы, лишь 1 апреля 1598 года.

В «Сказании о смерти царя Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова» согласие Годунова вступить на царский престол называлось проявлением **божьего милосердия** и **неизреченной божьей судьбы** и указывалось, что именно с мгновения, когда это милосердие выразилось (то есть с момента объявления Годуновым своего согласия занять царский престол, а не с избрания земским собором), Борис Федорович стал считаться царем⁹². О том, что и сам Годунов признал себя царем лишь тогда, когда, отзываясь на многократные просьбы вступить на царский престол, дал на это согласие, свидетельствует факт, приведенный в «Сказании»: «И как государь царь и великий князь Борис Федоровичь всеа Росии наречен бысть царем и государем на Московском Росийском государстве, и послал государь тотчас в Крым гонца своего Леонтья Лодыженского ко крымскому царю Каз-Гирею объявить свое государево царство»⁹³.

При этом в «Сказании...», как и в других источниках, отмечалось, что царским венцом он «еще не изволил венчаться до времени» и «в Московское Росийское государство, в свой царской двор, государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Росии не изволил еще до времени поехать», оставаясь в Новодевичьем монастыре, «у сестры

⁹² «Патриарх же Иов и митрополиты, и архиепископы, и епископы, и весь вселенский собор, тако же и бояре, и дворяне, и приказные люди, и гости, и дети боярские, и весь народ московской и суция младенцы, слыша такое великое божие милосердие и его неизреченныя божия судьбы, что хочет их государь Борис Федорович пожаловать, а государем быть на Московском Росийском государстве, они же все единодушно обрадовалися такому великому и неизреченному божию милосердию. И того же дни 106-го февраля в 20 день в Новом Девичье монастыре в соборной апостольской церкви Пресвятей пречистой богородицы Смоленской по благословению государыни царицы и великой княгини иноки Александры Федоровны всеа Росии и по молению святейшаго патриарха Иова, и митрополитов, и архиепископов, и епископов, и архимандритов, и игуменов, и всего священного собору, тако же по молению бояр, и дворян, и приказных людей, и детей боярских, и гостей, и всего Росийского государства многочисленного народу наречен бысть на Московская государства царь и великий князь Борис Федоровичь всеа Росии и на всех росийских государствах» (Сказание о смерти царя Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова. С. 180).

⁹³ Там же.

своей, государыни царицы и великой княгини иноки Александры Федоровны всеа Руси»⁹⁴.

Избрав на царство Бориса Годунова, земской собор не принял никакого документа, утверждавшего это избрание. Новый царь попросил приостановить работу собора под предлогом возникшей угрозы набега на Москву крымского хана и повелел всем ратным людям собраться у Серпухова. В «Выписке из истории с начала царства царя Федора Иоанновича» утверждается, что Борис Федорович решил использовать этот случай для упрочения своей царской власти: «Того ж году прежде коронования ходил в Серпухов с полками, затеев, будто крымской хан идет, а более делал, чтоб в войске людей к себе приласкать, яко же во оном походе многие милости показывал»⁹⁵.

В хронике же Конрада Буссова приводятся слова самого Годунова, показывающие, что новый русский государь искал себе значительно более широкой поддержки среди населения и более прочного основания для своей царской власти, нежели то, которое ему давало избрание на царство земским собором. Сообщая толпе, пришедшей во главе с патриархом Иовом к стенам Новодевичьего монастыря просить его стать царем, о своем согласии вступить на царский престол, Годунов якобы сказал: «Так как я вижу, что множество присутствующего здесь народа из всех сословий не перестает просить, то полагаю, что воля господня такова, чтоб государем на Руси был я. Но для того чтобы я еще вернее познал волю божью, я прошу нескольких недель отсрочки, и чтобы к июню вся земля собралась под Серпуховом для похода против крымских татар. **Если я увижу, что вся земля повинуется, то это будет свидетельством того, что все сословия истинно желают моего избрания**»⁹⁶ (выделено мною. — В.Т.).

Дьяк Иван Тимофеев в своем «Временнике», написанном во втором десятилетии XVII века, утверждал, что Борис Годунов знал заранее, что Крымский хан Казы-Гирей не собирается в ближайшее

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ *Татищев В.Н.* Выписка из истории с начала царствия царя Феодора Иоанновича. С. 287–288.

⁹⁶ *Буссов К.* Московская хроника. М.-Л., 1961. С. 84.

время делать набег на Русскую землю и потому напрасно целых два месяца простоял с войском в Серпухове. «Ополчився ратью противу токмо имени царя (хана. — В.Т.), не наветующаго нам бранью тогда, дошед града Серпухова, царь наш ста при брезе Оки и двомесячно медление творит тамо на едином месте со всеми силами преди, не поступая»⁹⁷.

М.М. Щербатов целым рядом аргументов доказывает, что угрозы набега крымских татар на русские земли в то время не существовало и все утверждения Годунова о такой угрозе были выдумкой. По его словам, «крымские татары имели всегда обычай... приходить около осени, и не можно им было инако делать; ибо, не имея с собою ни подвижных мостов, ни припасов, должны были избирать такое время, в которое удобнейший есть переход чрез реки, когда бы выросшая трава многочисленному числу их коней, яко войску состоящему из конницы, могла пропитанием служить; а и сами бы люди могли собранным или поспевшим хлебом на полях довольствоваться»⁹⁸.

Если Годунов действительно знал о том, что Крымский хан не имел тогда никаких намерений идти войной на Русскую землю, то его повеление ратным людям собраться под Серпуховом было продиктовано исключительно политическими мотивами: он хотел узнать настроения ратных людей, представлявших собой самую мощную силу в русском обществе, и желал заручиться их поддержкой, предугадывая в недалеком будущем небывалое обострение борьбы вокруг случайно доставшегося ему царского трона.

Стремление Бориса Годунова представить свое вступление на царский престол исполнением божьей воли вполне укладывалось в традиционную доктрину русской самодержавной власти, но его намерение поставить свою царскую власть в зависимость от желаний и интересов населения страны противоречило этой доктрине и разрушало ее. *Новый государь готов был отказаться от коренного начала русской государственной идеологии*, выраженного Иваном Грозным краткими, но очень емкими по смыслу формулами: **«Божиею десницею и милостию владѣемъ своимъ государствомъ сами, а не от челоувѣкъ приемлемъ государство»**, **«Царь и великий князь всеа**

⁹⁷ Временник Ивана Тимофеева. М.-Л., 1951. С. 57.

⁹⁸ Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. Том 7. Ч. 1. С. 31.

Русии — по Божию изволению, а не по многмятежному человечества хотѣнию». Годунов пошел наперекор этому принципу и захотел стать царем не только по божье воле, но и *по желанию всех сословий русского общества*.

11 мая Борис Федорович прибыл под Серпухов, куда уже собирались русские войска. Конрад Буссов в своих записках явно преувеличивает численность войска, вставшего под верховное командование нового царя, тем не менее его описание произошедшего здесь заслуживает особого внимания. Оно передает взгляд современников, трактовавших события под Серпуховым в июне-июле 1598 года как избрание Бориса Годунова на царство, — их мнение о том, что именно среди многочисленного войска под Серпуховом бывший правитель царя Федора Ивановича Борис Годунов окончательно утвердился на царском троне, причем в глазах не только своих подданных, но и чужеземных властителей. По словам Буссова, «к июню вся земля была призвана под Серпухов, чтобы идти против татар, а также, чтобы **избрать правителя царем**, и к этому времени в указанном месте собрались 800 000 человек⁹⁹, умевших обращаться с ружьями и саблями, луками и стрелами. Туда была доставлена также в изрядном количестве артиллерия в несколько сотен пушек крупного калибра., для того, чтобы из них палить в честь персидского и татарского послов, которые прибыли туда на аудиенцию там же в стане. При этом было истрачено весьма много пороха и показаны такая пышность и такое великолепие, что оба посла были очень изумлены великой мощью, снаряжением, роскошью и богатством московитов и, как говорят, сказали, что равного подобному государю на свете нет»¹⁰⁰ (выделено мною. — В.Т.).

Послы Крымского хана прискакали к Серпухову 28 июня. Встретившись на следующий день с русским царем, они передали

⁹⁹ Эта цифра сильно преувеличена, в других источниках называются меньшие цифры — 500 000 или 200 000, они более реальны. Бельский летописец сообщает, что Годунов «стоял в Серпухове по берегу по Оке по реке и по Наре с несметною силою, с конною и с пешею и с нарядом. И учинил по Оке по реке в судах плавные рати пеших людей 40 000 для приходу крымских людей» (ПСРЛ. Том 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978. С. 238).

¹⁰⁰ Буссов К. Московская хроника. С. 84.

ему, что хан желает быть с русскими «в дружбе и любви»¹⁰¹. По свидетельствам, приведенным в летописных хрониках, увидев небывалое по многочисленности русское войско, татарские послы столь «изумились, что со страху и трепету едва могли на аудиенции слово выговорить. Не удивительно, что весь Крым, сие слышав, наполнился ужасом. От того, может быть, учинилось, что с сего времени Крымские ханы не отважились больше в самую средину России чинить набеги, как прежде того часто делали»¹⁰².

После этого Годунов мог распустить войско и возвратиться в Москву — он достиг своей цели. Согласно рассказу, приведенному в хронике Конрада Буссова, Борис Федорович «повелел благодарить всю землю за повиновение и, выйдя в поле, дал согласие быть царем, обнадежив всех, что с божьей помощью он будет заботиться о своих подданных так, чтобы они благоденствовали и преуспевали. После этого весь народ пожелал ему счастья, а главнейшие в сословиях отвезли его в Москву»¹⁰³ (выделено мною. — В.Т.).

§ 3. Грамоты об избрании на царство Бориса Годунова как выражение новой государственной идеологии

Какими бы ни были идеологические, политические и юридические основания восшествия Бориса Годунова на царский престол, все они являлись довольно шаткими и не могли заменить династийного права на царство. Новый государь стремился внушить русскому обществу с помощью патриарха Иова, что стал царем и великим князем всея Руси, как требовала традиция, «по Божию изволению, а не по многомятежному человечеству хотению», но выражением божьей волей было объявлено в данном случае не природное происхождение от законного царя, а избрание земским собором и толпами народа. И сколько бы патриарх Иов ни повторял: «Глас бо народа, глас божий»,

¹⁰¹ Послание царя Бориса Федоровича к патриарху Иову, о прибытии Крымских послов в Серпухов с мирными предложениями. 1598, июня 30 // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Том 2. 1598–1613. СПб., 1836. С. 11.

¹⁰² [Миллер Г.Ф.] Опыт новейшей истории о России // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие, февраль 1761. СПб., 1761. С. 114.

¹⁰³ Буссов К. Московская хроника. С. 84.

факт восшествия Годунова на царский престол именно по желанию людей скрыть было невозможно. Более того сама формула «глас народа — глас божий» противоречила традиционному представлению о природе самодержавной власти, в котором «божье изволение» или божья воля не отождествлялось с «хотением человечества» или желанием людским, а противопоставлялось ему.

Но если Борис Годунов стал царем «по желанию человечества», то его царствование уже по одной этой причине не могло быть спокойным и продолжительным, ведь людские желания всегда «многомятежны», беспокойны, переменчивы. Каким образом возможно было придать такому царствованию устойчивость и сделать его долговременным, а право преемника на царство династийным?

Предложенный способ решения этой проблемы в полной мере соответствовал действительному основанию восшествия Годунова на царский престол, но абсолютно противоречил традиции русского самодержавия. Избрание нового государя представителями различных сословий и массами народа, объявленное избранием по божьей воле, было сочтено необходимым закрепить письменным документом.

Мысль об этом первым выразил патриарх Иов. Собрав 9 марта 1598 года духовенство, бояр и дворян — «весь освященный собор» и «весь царский сигклит» — владыка сказал: «Времени зовущу, подобает нам молити в тройцы славимого, неведомого и недомыслимого Бога, и пречистую Богородицу, и великих Чюдотворцов и всех Святых, чтоб по неизреченной своей милости Господь Бог совершил главу венцем царствия государя нашего, Богом избранного, и Богом возлюбленного, и Богом почтенного, благочестивого царя и великого князя Бориса Федоровича, всеа Русии самодержца, и сподобил бы Его облещися в порфиру царскую»¹⁰⁴. После этих слов бояре и дворяне и «весь царский сигклит» дали перед Богом обет святейшему патриарху Иову и всему духовенству, что за царя и великого князя Бориса Федоровича, самодержца всея Руси, и за его благоверную царицу и великую княгиню Марию, и за их царских детей, царевича Федора и царевну Ксению, и тех государевых детей, которых впредь Бог даст,

¹⁰⁴ Грамота избранная и утверженная первая [на царство царю Борису Федоровичу] // Опыт трудов Вольного российского собрания при императорском Московском университете. Часть 3. М., 1776. С. 140.

«души свои и головы положити» и служить им «верою и правдою всеми душами своими и головами». Выслушав данные обещания, патриарх Иов заявил присутствующим: о том, какой вы обет даете, что обещаете и какой ответ перед Богом держать полагаете, подобает нам написать и утвердить «грамоту утвержденную», и ко всему, что в ней написано будет, «нам, государевым богомольцом, руки свои приложити, и печати свои привесити; а вам, боляром его и дворяном, и всяким приказным людем такоже руки своя приложити к сей утвержденной грамоте на бóльшее утверждение и единомыслие; да будет впредь крепко и неподвижно и непоколебимо, и стоятельно во веки, как во утвержденной грамоте написано будет»¹⁰⁵.

Бояре и дворяне единодушно поддержали это предложение патриарха: «Благословен глагол твой от Бога Святого первопрестольнейший, подобает тако быти, якоже глаголеши»¹⁰⁶. Так было принято решение написать специальную грамоту, утверждающую избрание Бориса Годунова на царство.

Составление ее первоначального текста не заняло много времени: он был подготовлен скорей всего уже к началу апреля 1598 года. «Сию утвержденную грамоту по мале времени написавше принесоша ко Святейшему Иову патриарху»¹⁰⁷, — сообщалось в нем.

За две недели до этого были составлены два документа, которые можно считать первым письменным оформлением идеологических, политических и юридических оснований восшествия Бориса Годунова на царский престол.

15 марта 1589 года появилась Окружная грамота патриарха Иова «О трехдневном молебствии по случаю восшествия на престол царя Бориса Федоровича, с приложением форм ектеньи и многолетия». Борис Федорович был впервые представлен в официальном документе как «великий государь, Богом избранный, и Богом

¹⁰⁵ Там же. С. 148.

¹⁰⁶ Там же. С. 148–149.

¹⁰⁷ Там же. С. 161. При публикации этого варианта грамоты в сборнике документов «Опыт трудов Вольного российского собрания при императорском Московском университете» в кратком предисловии к ее тексту было указано: «А писана сия грамота вскоре после преставления блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии самодержца» (Там же. С. 74).

возлюбленный, и Богом почтенный, и благочестивый царь и великий князь», «всеа Русии самодержец»¹⁰⁸. Согласие Годунова стать царем изображалось уступкой молениям духовных лиц («богомольцев»), бояр и «христоролюбивого воинства и всего православного христианства», а также исполнением повеления своей сестры Ирины Федоровны (в иночестве — Александры) и подчинением Божьей воле. «Государь наш Борис Федорович, — писал патриарх в своей окружной грамоте, — видя наши слезы и моление сестры своей, нашей государыни, благоверной царицы и великой княгини иноки Александры благословения и повеления послуша и предався воли Божия»¹⁰⁹.

Сразу после появления Окружной грамоты патриарха Иова был сделан предварительный набросок начальной части утвержденной грамоты. Он не имел названия, но при публикации был обозначен как «Соборное определение об избрании царем Бориса Федоровича Годунова»¹¹⁰. К основаниям восшествия Годунова на царский престол, указанным в Окружной грамоте, в этом документе был добавлен предсмертный завещательный приказ царя Ивана IV. В нем говорилось, что перед самой своей кончиной, «предстоя Царя царям и Господу господам», грозный царь благословил на царство и вручил сына своего, государя царя и великого князя Федора Ивановича, «по сочтанию брака царского корени сродичу, ближнему приятелю, слуге и конюшенному боярину Борису Федоровичу... глаголя: “Тебе предаю с Богом сего сына моего, благоприятен буди к нему до скончания живота его; по его преставлении тебе приказываю и царьство сие»¹¹¹.

¹⁰⁸ Окружная грамота патриарха Иова, о трехдневном молебствии, по случаю восшествия на престол царя Бориса Федоровича, с приложением форм ектеньи и многолетия. 1598, марта 15 // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Том 2. 1598–1613. СПб., 1836. С. 3.

¹⁰⁹ Там же. С. 2.

¹¹⁰ Соборное определение, об избрании царем Бориса Федоровича Годунова // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Том 2. 1598–1613. СПб., 1836. С. 13–16.

¹¹¹ Соборное определение, об избрании царем Бориса Федоровича Годунова. 1598 год // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Том 2. 1598–1613. СПб., 1836. С. 14.

И якобы Федор Иванович, «по отшествии своем к Богу, и по приказу отца своего и по своему приятельству», вручил царство свое Борису Федоровичу. Поэтому на Годунове сошлось «благоволением Божиим и промыслом всеильного Бога» благословение обоих царей¹¹².

Хотя этот документ был назван при публикации «Соборным определением», в нем шла речь о непреклонном единогласном обращении к Борису Годунову с просьбой стать царем не от земского собора, а от духовенства, составляющего «Освященный собор», а также «от бояр и дворян, и от всенародного множества». Новый государь представлялся таким образом восшедшим на престол по единодушному народному голосу и от того — по Божьей воле, потому что «глас бо народа — глас Божий»¹¹³. Этой идеологической формуле в рассматриваемом документе придавалось значение христианской истины, поскольку произносилась она святейшим патриархом.

Составленный к началу апреля 1598 года первоначальный вариант утвержденной грамоты об избрании царем Бориса Федоровича был изготовлен в трех экземплярах. Первый подписали только духовные лица. Сначала сам патриарх, обозначив себя как «Смиренный Иев, Божиею милостию патриарх царствующего града Москвы и всея великия Росии»¹¹⁴, затем смиренный Варлаам, митрополит Великого Новгорода и Великих Лук, потом другие митрополиты, после них архиепископы, епископы, архимариты, игумены, старцы, протопопы, протодьякон, ключари. Два других экземпляра были подписаны боярами, дворянами и прочими. Один список грамоты оставили у святейшего патриарха, который повелел положить его в свою ризницу, второй отнесли к государю Борису Федоровичу, который отдал ее на сохранение в царскую казну.

Основной текст первоначального варианта утвержденной грамоты заканчивался словами: «Уложена и написана бысть сия соборная утвержденная грамота в преимянитом и славном, в царствующем граде Москве, от создания миру лета 7106 июля в...день,

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Грамота избранная и утвержденная первая [на царство царю Борису Федоровичу] // Опыт трудов Вольного российского собрания при императорском Московском университете. Часть 3. М., 1776. С. 179.

индикта ai»¹¹⁵. Обозначение дня предполагалось, по всей видимости, поставить после ее подписания теми, кто хотел видеть новым государем Бориса Годунова. Однако в июле текст грамоты был переписан и к августу 1598 года изготовлены для его подписания два экземпляра.

Сравнение окончательного варианта грамоты, которая при публикации во втором томе «Актов, собранных в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук», была представлена как «Грамота утвержденная, об избрании царем Бориса Федоровича Годунова» и датирована 1 августа 1598 года, с первоначальным ее вариантом, показывает, что необходимость обновления содержания этого документа была вызвана потребностью усовершенствовать логику обоснования восшествия Бориса Годунова на царский престол.

В новом варианте утвержденной грамоты давалось более детальное описание линии русских государей от Рюрика до Федора Ивановича. Рюрик был назван первым князем великим, державшим скипетр великого российского государства в Великом Новгороде. Как и в прежнем варианте корень государей царей российских был назван происходящим «от превысочайшего цесарского престола и прекрасноцветущего и пресветлого корени Августа Кесаря, обладающего вселенною»¹¹⁶. Но если раньше после великого князя Владимира сразу назывался царь и великий князь Федор Иванович, как «осьмьйнадесять царский степень от великого князя Владимира», то в утвержденной грамоте от 1 августа 1598 года представлялся весь ряд великих князей от Владимира до Федора Ивановича с указанием их выдающихся заслуг и высоких качеств.

Оба варианта грамоты об избрании Годунова на царство весьма подробно описывали события, произошедшие после отказа царицы-вдовы Ирины Федоровны взойти на престол, когда она «изволила, по

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Грамота утвержденная, об избрании царем Бориса Федоровича Годунова. 1598, августа 1 // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. Том 2. 1598–1613. СПб., 1836. С. 17. В первой утвержденной грамоте говорилось без эпитетов, что «Рюрик глаголемый» — «от колена Августа Кесаря Римского» (Грамота избранная и утвержденная первая. С. 75).

своему обещанию и к Богу по великой вере и душевному желанию, оставить превысочайшую честь и славу и высоту великого Российского государства и воспринять иночески ангельский образ, будущих ради благ превечного царствия воздание»¹¹⁷. В них говорилось, что патриарх Иов, все духовенство, бояре, дворяне, приказные и христоролюбивое воинство и купечество («гости»), и «все православные хрестьяне царствующего града Москвы и всея Руския земли», «с великим воплем и неутешным плачем» царицу и великую княгиню Ирину Федоровну всея Руси «молили, милости просили и били челом, чтоб государыня по своему царьскому милосердому обычаю положила на милость, их бы сырых до конца не оставила, была на государстве в содержании скифетра великих государств Российского царствия, а правити велела брату своему царьскому шурина государю Борису Федоровичу»¹¹⁸.

Это был бы, пожалуй, лучший вариант для Годунова и государства российского. Права Ирины Федоровны на царство могли, конечно, подвергаться сомнению, но пример древнерусской великой княгини Ольги, взявшей после убийства древлянами мужа Игоря верховную власть в свои руки, показывал, что престолонаследие от мужа к жене вполне допустимо и соответствует старинным русским традициям. Однако царица-вдова еще раз ответила отказом¹¹⁹. И тогда, согласно грамотам, пришедшие к стенам Новодевичьего монастыря, где она пребывала, стали просить ее: «Благоверная царица, благослови и даждь Богом избранного царя на царство, всем

¹¹⁷ Грамота утвержденная, об избрании царем Бориса Федоровича Годунова. 1598, августа 1. С. 19. Грамота избранная и утвержденная первая. С. 78.

¹¹⁸ Грамота утвержденная, об избрании царем Бориса Федоровича Годунова. 1598, августа 1. С. 19.

¹¹⁹ Хотя причиной отказа взойти после смерти супруга на царский престол царица-вдова Ирина Федоровна выставляла свое обещание Богу, по великой вере и душевному желанию, оставить честь, славу и высоту великого Российского государства и воспринять монашество, уйдя в монастырь, подошлекой такого решения вполне могло быть ее слабое здоровье и, в особенности, прогрессирувавшее заболевание чахоткой, сопровождавшееся горловыми кровоизлияниями. Поэтому и в монастыре Ирина Федоровна, ставшая монахиней Александрой, прожила недолго — всего пять лет, окончив свою жизнь и служение церкви в 1603 г.

нам благонадежного государя всему Российскому царьству самодержца, а брата своего государя нашего Бориса Федоровича»¹²⁰.

Далее в грамотах описывался созыв земского собора 17 февраля 1598 года, его состав и главное решение: «Неотложно бити челом государю Борису Федоровичу, а опричь государя Бориса Федоровича на государство никого же не искати»¹²¹. После этого шел подробный рассказ о том, как патриарх, все духовенство, бояре, дворяне, приказные, все православное христианство четыре дня — 18, 19, 20 и 21 февраля — молили, били челом, просили со слезами, чтобы великая государыня пожаловала, благословила брата своего на свои великие государства российского царствия государем, а Борис Федорович положил на милость и на тех великих государствах стал царем и великим князем, всей Руси самодержцем, но все было напрасно — ни царица-вдова, ни ее брат отвечали отказом на эти мольбы и просьбы¹²².

В различных хрониках, летописях, записках эти шествия патриарха Иова с духовными лицами, боярами, дворянами и с толпой простых московских обывателей к Новодевичьему монастырю, их многократные моления и просьбы к царице-вдове и ее брату и столь же многократные отказы их удовлетворить объясняются чаще всего лукавством Бориса Годунова, его желанием получить более широкую поддержку среди населения. Однако то большое внимание, которое первоначальный и окончательный варианты утвержденной грамоты уделяют этим событиям, подробно описывая их на нескольких листах, явно указывает на то, что им придавалось особое значение. Все эти беспрестанно повторявшиеся в течение четырех дней шествия представителей высших сословий и народных масс к Новодевичьему монастырю с молениями и просьбами, обращенными к царице-вдове и ее брату, являлись ритуалами и процедурами идеологического,

¹²⁰ Там же. С. 20.

¹²¹ Там же. С. 25. В предыдущей грамоте об избрании Годунова земским собором говорилось: «Мысль и совет всех единодушно, что нам мимо Бориса Федоровича иного государя никою не искати и не хотети» (Грамота избранная и утвержденная первая. С. 94–95).

¹²² Грамота утвержденная, об избрании царем Бориса Федоровича Годунова. 1598, августа 1. С. 27–33.

политического и юридического оформления права Бориса Годунова на царство.

На такое значение данных событий указывает и конечный их результат. 21 февраля новые неоднократные выступления пришедших к Новодевичьему монастырю с прежними молениями и просьбами не оказались безответными. «Даю вам своего единокровного брата света очию моею единокровна суца, — ответила, согласно Утвержденной грамоте от 1 августа 1598 года, царица-вдова монахиня Александра Федоровна: — да будет вам государем царем и великим князем всеа Русии самодержцем, в содержание скифетра нашего царствующего града Москвы и всех наших великих государств великого Российского царствия»¹²³. А брату своему она сказала: «Слыши, братец мой единокровный! Божие бо есть дело, а не человеческо; вышнего промысл, а не человеческой разум: аще бо на то будет воля Божия, буди так и сие сотвори»¹²⁴.

«Великий же государь Борис Федорович, — было написано далее в грамоте, — по многоуещательным и премудрым умильным словесем сестры своея великие государыни, аще и не хотяше на царствие, повинуся воли Божии со многим слезным рыданием и воплем глаголя: “Господи Боже бо уповах, спаси мя”. И потом глагола ко отцу своему святейшему Иеву патриарху, и всему вселенскому собору, и боляром: “Аще будет на то воля Божия, буди так”»¹²⁵.

Первоначальный и конечный варианты Утвержденной грамоты об избрании Бориса Федоровича Годунова на царство показывают, пусть и в различных формулировках, ряд одинаковых идеологичес-

¹²³ Там же. С. 34. Согласно первоначальному варианту утвержденной грамоты, царица-вдова инокиня Александра, выражая свое согласие на занятие царского престола Годуновым, сказала патриарху Иову: «Благословляю на царство сего брата моего Бориса Федоровича и предаю его премилосердому Богу и Пречистой его пренепорочней Матери, Владычицы наши Богородицы и присно деве Марии, и великим чудотворцом Московским и всеа Руссии, Петру, и Алексею и Ионе, и всем Святым, да тебе отцу своему и богомольцу Иеву патриарху Московскому и всеа Руссии» (Грамота избраная и утверженная первая. С. 126–127).

¹²⁴ Грамота утвержденная, об избрании царем Бориса Федоровича Годунова. 1598, августа 1. С. 34. В первоначальном тексте утвержденной грамоты царице-вдове приписывались в данном случае другие слова: «Борис Федорович! Не преслушайся нашего глаголения и благословения» (Грамота избраная и утверженная первая. С. 127–128).

¹²⁵ Там же.

ких, политических и юридических оснований восшествия нового государя на царский престол:

Во-первых, это кровнородственная связь Годунова с царицей Ириной Федоровной, супругой царя Федора Ивановича.

Во-вторых, это заслуги и опыт Бориса Годунова в управлении страной при Федоре Ивановиче.

В-третьих, избрание его на царство земским собором, представлявшим все или почти все сословия Московского государства.

В-четвертых, желание широких народных масс видеть именно Бориса Годунова новым государем.

В-пятых, Божья воля, выраженная в настойчивости проявления желания народных масс, чтобы Годунов стал новым царем.

В-шестых, благословение Годунова на царство его сестрой царицей-вдовой, имевшей право наследовать царский престол после своего супруга царя Федора Ивановича, а следовательно, и передать его своему родному брату.

Все эти основания получили в форме Утвержденной грамоты об избрании царем Бориса Федоровича Годунова письменное, документальное выражение и приобрели незыблемость в результате подписания представителями высших сословий русского общества: святейшим патриархом и другими духовными особами, боярами, дворянами, приказными, широким кругом служилых людей Московского государства.

Попытка обосновать право Бориса Годунова на царство предсмертным завещательным приказом Ивана IV, предпринятая в «Соборное определение об избрании царем Бориса Федоровича Годунова», не получила развития в последующих документах, юридически оформивших его вступление на царский престол, — видимо, вследствие сомнений, которые она могла вызвать в высшем слое русского общества, знавшего какое большое значение грозный царь придавал кровнородственному принципу в наследовании царской власти.

Вся эпопея воцарения Бориса Годунова завершилась в начале сентября 1598 года его венчанием на царство. Новый летописец сообщает об этом событии следующее: «В лето 7107 Сентября в 1 день царь Борис венчался царским венцем в соборной церкви Успения

Пресвятая Богородицы Иовом патриархом и прочими московскими властями, златыми же осыпал его боярин князь Федор Иванович Мстиславской. По венчании же царь Борис отверзе сокровища царская, раздаше вельможам своим и прочим, и вси от царских сокровищ ядуще и пиюще по три дни, величающе царя; многим же тогда дарова чести, и всем являшеся милостив и щедр»¹²⁶.

Пискаревский и Московский летописец венчание Годунова на царство относят к 3-му сентября¹²⁷, но эти расхождения нельзя считать сколько-нибудь значимыми. Более существенными являются различия в трактовке оснований восшествия нового государя на царский престол между официальными документами и летописями.

Утвержденная грамота внушала мысль о том, что Годунов — **Богом избранный государь**. Желание представителей высших сословий и народных масс видеть его на царском престоле, выразившееся в течение нескольких дней крестными шествиями во главе с патриархом к Новодевичьему монастырю, где он пребывал, а также обращенными к нему молениями и просьбами стать новым царем, изображалось проявлением **Божьей воли**, глас народа представлялся **гласом Божьим**.

Летописи же единственным основанием восшествия Бориса Годунова на царский престол называли его **избрание населением Московского государства или представителями всех сословий русского общества**. Бельский летописец сообщал, например, что Борис Годунов стал скипетродержателем, нареченным быть на царстве Московского государства и всей Русской державы «по избранию всего Московского государства»¹²⁸. Мазуринский летописец также описывал избрание Годунова на царство, не называя это Божьим избранием: «Того же году (лета 7106 году. — В.Т.) патриарх Иев учини собор со всеми властми и призва к себе баяр и воинство и всех православных христиан, и усобороваша с ними, выбраша на московское царство царем Бариса Федоровича Годунова»¹²⁹.

¹²⁶ Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. Издан по списку князя Оболенского. М., 1853. С. 48.

¹²⁷ Том 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978. С. 201, 237.

¹²⁸ Там же. С. 238.

¹²⁹ ПСРЛ. Том 31. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968. С. 146.

Таким образом, официальная идеология, воплощением которой выступала Утвержденная грамота об избрании царем Бориса Федоровича Годунова, не могла скрыть факта его восшествия на царский престол по воле русского общества, выраженной земским собором, представлявшим, если не все, то большинство сословий, и подтверждена крестными шествиями, молениями и просьбами их участников к Годунову стать новым государем. Но самое главное — избрание земским собором, представителями сословий русского общества или населением Московского государства русские летописи XVII века признавали вполне легитимным основанием для восшествия на царский престол. Это означало коренное изменение представлений о сущности государства и верховной государственной власти. Государство перестало считаться вотчиной государя, продолжением царской персоны. В русском общественном сознании произошла деперсонализация государства, оно стало мыслиться в отдельности от особы верховного властителя — как общность, способная существовать и при его отсутствии. В этом смысле весьма примечательной являлась отвергнутая простым народом Москвы попытка бояр после смерти царя Федора Ивановича и отказа его супруги принять царство на себя создать некий коллегиальный орган верховной государственной власти. Высший слой русского общества перестал видеть в персоне царя воплощение государства.

Признание избрания Годунова легитимным основанием восшествия его на царский престол означало появление в России нового взгляда на источник верховной государственной власти: ее считали теперь исходящей не только от Бога, но и от общества. Отсюда вытекало, что именно обществу царь должен был теперь служить. В этой связи совсем не случайно право Бориса Годунова на царство обосновывалось официальной идеологией не только божественным избранием, но и благими для общества результатами его правления при царе Федоре Ивановиче.

Государственная деятельность Бориса Годунова после венчания на царство показывает, что он предельно ясно сознавал подлинное содержание своего царского предназначения. Оценивая действия Годунова на царском троне по летописным материалам, историк М.М. Щербатов отмечал: «Попечение его было о правосудии чрезмерное,

яко о такой части правления, которая сохраняя безопасность личную и в имениях каждого, чинила подданных наслаждаться политической свободой; и сие не токмо под глазами своими в Москве он исполнял, но даже посланы были по разным областям нарочно избранные известные своим разумом и добродетелию мужие, дабы все злоупотребления пресекать»¹³⁰.

В Хронографе редакции 1617 года о восшествии Бориса Годунова на царский престол говорилось, что он лукавыми кознями своими добыл престол царский великой державы Русской и самодержцем назвался¹³¹. Однако государственная деятельность Годунова оценивалась Хронографом довольно высоко. В нем отмечалось, что царь и великий князь Борис Федорович построил множество городов и монастырей, люто ненавидел взяточничество и всячески стремился искоренить разбойничество и воровство, пытался ограничить пьянство в корчмах, что он был светел душой, милостив и нищелюбив, что многие приняли дары из его щедрых, любящих одаривать рук. Всех он щедрыми дарами осыпал, и ближних своих, и сынов русских, и далеких чужестранцев, словно море даров и озеро питья разливалось повсюду, и так красовался он, подобно финиковой пальме, листвою добродетелей и, если бы не тернии злой зависти, от которой красота добродетели его померкла, то мог бы во всем стать равным древним царям, процветавшим всяческим благочестием¹³².

Служивший при Борисе Годунове приказной дьяк Иван Тимофеев (ок. 1555–1631)¹³³ в своем «Временнике»¹³⁴ обвинял его в

¹³⁰ Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. Том 7. От кончины царя Феодора Иоанновича до избрания царя Михаила Федоровича, дому Романовых. Часть 1. Царствование царя Бориса Федоровича, и его сына. СПб., 1790. С. 38.

¹³¹ Дословно в Хронографе 1617 года было написано об этом следующее: «В лѣто 7106-го (1598) по царѣ и великомѣ князѣ Феодорѣ Ивановиче, всея Руси самодержце, приемлетъ скифетродержство великия Руси государства шуринь его Борис Федоровичь. Той бо от сродничества своего имяновашесе Годуновъ, иже хитростными пронырствы престоль царства великия державы Русьския возхити и самодержецъ наречесе» (Из Хронографа 1617 года // Библиотека литературы Древней Руси. Том 14. Конец XVI–начало XVII века. СПб., 2006. С. 528.

¹³² Там же.

¹³³ Имя Ивана Тимофеева называется в числе «дьяков по приказам», присутствовавших на земском соборе при избрании Бориса Годунова на царство

похищении царского титула лукавством и обманом, однако для характеристики государственной деятельности Годунова нашел немало добрых слов¹³⁵. «В начале своей жизни он во всем был добродетелен, — отмечал автор «Временника». Во-первых, он делал добрые дела прежде всего для Бога, а не для людей: усердный ревнитель о всяком благочестии, он был прилежным охранителем старинных церковных порядков; был щедрым помощником нуждающимся, кротко и внимательно выслушивал всевозможные просьбы народа о всяких вещах; он был приятен в своих ответах всем, жалующимся на обидящих, и быстро мстил за обидимых и вдов; он много заботился об управлении страной, имел бескорыстную любовь к правосудию, нелицемерно искоренял всякую неправду, даже чрез меру заботился о постройке в городах разных зданий для наполнения царства и снабжения их приличными украшениями; во дни его (управления) домашняя жизнь всех протекала тихо, без обид, даже до самого начала поры безначалия на земле, (которая началась) после него; тех, кто насиловал маломощных, он с гневом немедленно наказывал, разве только не доходил до него слух о таких обидах; он был крепким защитником тех, кого обижали сильные, вообще об утверждении всей земли он заботился без меры, пока не был захвачен властолюбием; он старался наказаниями совсем искоренить привычку к чрезмерному богомерзкому винопитию; всякому взяточничеству сильных было от него объявлено беспощадное уничтожение, ибо это было противно его характеру; всякого зла, противного добру, он был

и подписавших Утвержденную грамоту о его избрании. См.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. Том 2. 1598–1613. СПб., 1836. С. 45, 53.

¹³⁴ Полное название этого произведения Ивана Тимофеева — «Временник по седмой тысящи от сотворения света во осмой в первые лета».

¹³⁵ Объясняя свое желание показать, помимо злых, и добрые дела Бориса Годунова, дьяк Иван Тимофеев писал: «Если мы постарались подробно описать все его злые деяния, то не поленимся раскрыть и его добрые дела, пока они не покрылись забвением от течения времени. Что я помню, то и напишу о них, чтобы наш рассказ о нем не показался некоторым злобным и враждебным. Потому что, если бы одно злое о нем было рассказано, а другими сказано о нем доброе, а мы бы (об этом) умолчали, — то явно обнаружилась бы неправда писателя, а когда то и другое без утайки рассказано, то все уста заградятся» (Временник Ивана Тимофеева. М.-Л., 1951. С. 230).

властный и неумолимый искоренитель, а другим за добро искренний воздаятель»¹³⁶.

Конрад Буссов, описывая государственную деятельность Годунова, также обращал внимание на небывалую заботу нового государя о населении вверенной ему державы: «Все вдовы и сироты, местные жители и иноземцы были от имени царя наделены деньгами и запасом (Sapass), т. е. съестным. Все заключенные по всей земле были выпущены и наделены подарками. Царь дал обет в течение пяти лет никого не казнить, а наказывать всех злодеев опалой и ссылкой в отдаленные местности. Он повелел построить особые судебные палаты и приказы, издал новые законы и постановления, положил конец всякому имевшему место в стране языческому содомскому распутству и греху, строго-настрога запретил пьянство и шинкарство или корчмарство, угрожая скорее простить убийство или воровство, чем оставить ненаказанным того, кто вопреки его приказу откроет корчму и будет продавать навынос или нараспив водку, меды или пиво. Каждый у себя дома волен угощаться чем Бог пошлет и угощать своих друзей, но никто не смеет продавать москвитам напитки, а если кто не может прокормиться без содержания корчмы или шинка, тот пусть подаст челобитную, и царь даст ему землю и крестьян, чтобы он мог на это жить»¹³⁷.

Взгляд на царя как на главу государства, призванного подобно заботливому отцу семейства обеспечивать сытую и спокойную жизнь своим домочадцам, стал при Борисе Годунове доминантой в русском общественном сознании. Такое понимание царского предназначения, безусловно, упрочивало позиции Годунова как верховного властителя, но одновременно таило в себе и серьезную угрозу его положению. Урожайные сезоны сменились на Руси в первые годы XVII столетия временами недорода, что привело к голоду и массовым бедствиям для населения страны. Недовольство простых русских людей вполне закономерно обрушилось на царя. Позиции Бориса Годунова в обществе и главное — среди высших сословий оказались подорванными. Смерть царя 13 апреля 1605 года спасла его от свержения с престола, которое в тех условиях стало неминуемым.

¹³⁶ Там же. С. 230–231.

¹³⁷ Буссов К. Московская хроника. М.-Л., 1961. С. 84–85.

Однако произошедший благодаря восшествию Бориса Годунова на царский престол и последующей его государственной деятельности переворот в идеологических, политических и юридических основаниях верховной государственной власти, в представлениях русского общества о ее источнике и предназначении, оказался необратимым. Наступившая Смута нанесла сокрушительный удар по остаткам традиционной вотчинной государственности русского общества и расчистила тем самым почву для прорастания в нем новых государственных традиций. Московское государство–Русь превратилась в Россию.